

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ФРАНК ТИЛЬЕ

АТОМКА

Впервые
на русском!

Франк Тилье вновь мешает нам спать.
Мы вновь не можем оторваться
от чтения его завораживающего триллера.
Суперздорово!

Лино Тибо. <http://www.armitiere.com>

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Франк Тилье

Атомка

Серия «Комиссар Франк Шарко»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8484063

Атомка: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб.; 2014

ISBN 978-5-389-08932-7

Аннотация

Впервые на русском! Новая книга Франка Тилье «Атомка». Тело парижского журналиста найдено в холодильнике на кухне его дома. Работавшая вместе с ним журналистка исчезла, зато найден совершенно истощенный мальчик с запиской от нее и со странной татуировкой. Возникают старые дела, связанные с утопленниками. Все эти странные случаи объединяет одно: попытка неких ученых с помощью запредельно низких температур бросить вызов смерти. Комиссар Шарко и Люси Эннебель включаются в расследование этого сложного дела, то и дело перемещаясь из Парижа в Гренобль, из психиатрической клиники в затерянный монастырь или в секретный научный центр, расположенный в Лос-Аламосе. В конце концов они понимают, что все следы ведут... в мертвый украинский город рядом с застывшим атомным реактором.

Содержание

Пролог	5
I	12
1	12
2	18
3	30
4	39
5	44
6	48
7	64
8	75
9	84
10	93
11	107
12	123
13	133
14	143
15	153
16	158
17	170
18	176
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Франк Тилье

Атомка

© Н. Василькова, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

С чего бы это умереть, то есть перейти из жизни в смерть, должно быть труднее, чем родиться, то есть перейти из смерти в жизнь?

Жюль Ренар

Пролог

Там, двадцать шесть лет тому назад

Как хорошо было жить в этом восточноевропейском городе, когда весна выдавалась ранняя и теплая...

Поздно ночью Петр и Маруся Ермаковы подошли к окну, чтобы полюбоваться необыкновенной картиной: километрах в трех от их дома небо окрасилось ярчайшими голубыми, оранжевыми и красными всполохами¹. Соседи перекликались, высыпав на балконы, – тоже, значит, не спали. Еще бы: не пропускать же такое фантастическое зрелище!

На следующий день все было как всегда, только на улицах, пожалуй, чуть более оживленно. По-летнему одетые дети играли в парке близ чертова колеса и аттракциона со сталкивающимися автомобильчиками, крестьяне торговали на рыночной площади овощами со своего огорода, женщины оставались поболтать, вот только вдали слышались сирены и рев вертолетов...

Там, за горизонтом, случилось нечто из ряда вон выходящее, но, хотя в городе об этом судачили, никто особо не тре-

---

¹ Очевидцы утверждали, что взрыв чернобыльского реактора напоминал кадры из научно-фантастического фильма: над зданием четвертого энергоблока поднялся в небо столб пламени высотой метров в сто, а несколько секунд спустя еще один – в несколько раз выше первого. <http://slawa.com.ua/novosti/403-chernobyl.html>. – *Здесь и далее, если специально не оговорено, примеч. перев.*

вожился. Разве им не объясняли, что здесь у них так же безопасно, как посреди Красной площади? Ну, горит какой-то завод, который производит неизвестно что, так ведь если по радио не объявили и в «Правде» не написали, значит нечего и беспокоиться?

Пять дней спустя Андрей Михайлов, отлично зная, какой бардак царит в разваливающейся империи, пробрался в строжайшим образом охранявшееся здание в двенадцати километрах от места катастрофы и в ста десяти от Киева. Лес вокруг стоял как выжженный, хотя никаких следов огня не было видно: просто стволы и ветки будто проржавели, а листья высохли, причем высохли за долю секунды, и стали похожи на крылья опаленных солнцем бабочек. Пахло непривычно, но что это за запах, Андрей определить не смог. Во рту появился вкус жженого сахара – словно на пломбы в его зубах осело невидимое и неведомое вещество. Он бросил взгляд на прибор, который не выпускал из рук: стрелка залипла на максимуме. Сколько у него есть времени, Андрей не знал, но, поскольку был химиком, понимал, что действовать надо быстро.

После той удивительной ночи ни один исследователь с официальным заданием не переступал еще порога засекреченного сооружения, в которое он сейчас проник. Все документы и протоколы испытаний оставались на месте, за бронированными дверями и рядами охранников, готовых в случае вторжения умереть за партию. У Андрея был допуск в

большую часть закрытых некогда городов и местностей Советского Союза, тех, где велись самые важные для страны работы, а стало быть – и разрешение спуститься на семь метров под землю, то есть на тот уровень, что оберегали от любопытных глаз гораздо серьезнее, чем остальные. Он прошел, ссылаясь на приказ, подписанный самим Горбачевым, мимо восьми охранников (хоть их и меняли каждый час, и дежурил каждый из них всего по разу, у двоих уже текла кровь из носа) и вздохнул с облегчением, попав наконец-то туда, где в обстановке строгой секретности собирались самые известные советские биологи, генетики и физики. Туда, где проводились самые кошмарные эксперименты из всех, в каких он когда-либо принимал участие.

Пятнадцать минут спустя он уже выходил наружу, получив в свое распоряжение рукопись начала XX века, несколько протоколов и странную животинку, плававшую в прозрачной коробочке.

Когда один из военных захотел удостовериться по телефону, имеет ли право Андрей Михайлов выносить подобные объекты с территории третьего энергоблока Чернобыльской АЭС², ученому ничего не оставалось, как только шарахнуть охранника по черепу его же дубинкой. Из-за того, что Андрей нес сейчас в руках, скоро его станет искать КГБ, искать активнее, чем кого-либо, искать, чтобы уничтожить во что

---

² Версии причин аварии на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС см.: <http://www.galactic.org.ua/SLOVARI/n995.htm>.

бы то ни стало...

Оказавшись за рулем своего автомобиля, он сорвался с места и двинулся мимо заграждений и постов с охранниками. Было преступлением оставлять здесь всех этих несчастных даже на час. Андрею очень захотелось крикнуть им: бегите отсюда, скорее, скорее в госпиталь, – но он сразу же передумал и без проблем выехал на главное шоссе.

На юге пожар еще не погасили – для того чтобы полностью подавить огонь, понадобятся дни, а может, и недели. Стая вертолетов, кружа над местом аварии, сбрасывала прямо в бушующее пламя свинцовый лом и песок. Небо здесь напоминало подожженный комок старой газеты. Вокруг разрушенных строений суетились нелепые тени с жалкими лопатами и пожарными шлангами. Ничего не знающие мальчишки, которых обрекли на гибель и семьям которых потом пришлют свидетельство об их «славной смерти за Советскую родину».

Андрей вздрогнул, когда о лобовое стекло ударились птица. Потом другая. Пошел дождь из мертвых птиц, из мертвых скворцов, они валились с неба десятками, устилая асфальт и землю вокруг. Беглец включил дворники и направился к Припяти: прежде чем взять курс на запад, надо было проехать через город.

Этот город строился у него на глазах. Жилые кварталы с хорошими домами, парк с аттракционами для детей. Сегодня все это напоминало страшный сон. Население три дня

назад эвакуировали в Москву, пригнав для этого из Минска, Гомеля и Могилева больше тысячи автобусов. Владельцам домашних животных не разрешили взять их с собой, потому что шерсть чересчур легко собирает из воздуха зараженные радиацией частицы, – и сейчас бригады охотников с завязанными платком лицами отстреливали на улицах собак и кошек. Одни солдаты поливали из шлангов сухие крыши домов, терли стены щетками, другие перекапывали садики и палисадники, накрывая верхние слои почвы землей из слоев, залегавших глубже. «Сражаются с невидимым врагом, но все это совершенно бесполезно», – подумал Андрей. На дверях домов он заметил надписи: «Простите», или «Семья Бондаревских», или «Мы вернемся», или еще – «Это все, что у нас есть, не ломайте». Андрей не решался представить себе, в каком аду пришлось побывать этим людям, пережившим в свое время оккупацию и сталинские репрессии. Что станет с ними, лишенными всего нажитого ими добра? Они не вернутся сюда через пять дней, как им было обещано.

Они никогда не вернутся в свои дома.

Выехав из города, Андрей увидел в поле корову, целиком покрытую кожаной попоной, – как будто эта попона могла защитить животное от рассеянной повсюду отравы. Рядом с коровой брела сгорбленная, тоже с головы до ног упакованная в кожу старуха, – наверное, эта старуха спряталась, когда остальных вывозили. Без лекарств, без медицинской помощи она погибнет через несколько недель.

Русский смыл водой из стеклоомывателей прилипшие к лобовому стеклу птичьи перышки и вцепился в руль покрепче. Его, как и многих других известных советских физиков и химиков, откомандировали к месту аварии на следующий день после взрыва и вынудили облететь это место, чтобы найти решение проблемы. В полете вся аппаратура барахлила, поляроидные снимки превращались в черные прямоугольники. Когда они подлетели совсем близко, Андрея удивило, что он больше не слышит шума лопастей вертолета, – как будто он внезапно оглох. Именно в этот момент до него дошло, что в тот день в Советской стране были погублены тысячи человеческих жизней и потеряны для обработки многие гектары земель. Что никогда уже ничто не будет так, как было прежде.

Андрей остановился на краю дороги и спрятал все находившиеся при нем документы, в том числе и рукопись, в багажник, куда уже бросил раньше несколько самых необходимых вещей. Совсем немножко. Взгляд его притянула изображенная на папке с рукописью свастика. У папки этой была своя история: сначала ее украли нацисты, затем, во время падения Третьего рейха, она попала в руки красноармейцев, потом ее хранили на Украине – там, где искать никому бы и в голову не пришло, – а сегодня она снова отправляется в неведомое. Что же до животинки – та вяло покачивалась на поверхности воды. Андрей поместил свой крошечный аквариум в бардачок: теперь только в этом, одном-единствен-

ном, организме содержался ключ к тайне, которую стремились разгадать во все времена.

Михайлов вздрогнул и тронулся с места. Он будет ехать и ехать на запад, как можно дальше. Ему придется прятаться, нелегально пересекать границы и, скорее всего, рисковать жизнью. Но овчинка стоит выделки. Есть страна, о которой он столько слышал, страна на другом краю Европейского континента, и там, в этой стране, он точно сможет начать новую жизнь, продав за бешеные деньги собранные им протоколы исследований.

Эта страна – Франция.

Проехав без остановок семьсот километров, Андрей припарковался на обочине, выкурил сигарету и решился наконец включить дозиметр, который так боялся включать, оттягивая и оттягивая эту минуту. Счетчик Гейгера затрещал – что ж, так и должно было быть, ученый хорошо знал, что его ждет. Он приложил датчик прибора к груди – стрелка прогулялась по шкале туда-сюда и замерла на максимуме.

Радиация не может проникнуть сквозь толстый слой воды и свинец, но почти все остальное для нее проницаемо. Андрей надышался пыли, содержащей йод-131, стронций-90, цезий-137, полоний-210...

Теперь радиоактивные вещества у него внутри.

Андрей Михайлов – больше не человек, он ходячий ядерный реактор, которому тоже когда-нибудь предстоит взорваться.

I

Жизнь. Наши дни

1

– Скажите мне что-нибудь хорошее, доктор, а?

Стрелки часов только-только подобрались к восьми, кабинет врача был чистенький, снабженный всем необходимым и безликий, ровно такой, как надо для дела, а Франк Шарко в то утро пришел первым. Впустив пациента, доктор Рамбле закрыл за ним дверь и предложил сесть.

– Боюсь, что пока, к сожалению, никаких положительных сдвигов... А вы, комиссар, точно соблюдали все предписания, данные в прошлом месяце?

Шарко потер пальцами виски: день начинался хуже некуда.

– Мое мусорное ведро лопается от пустых ампул и коробочек из-под таблеток, у меня брали кровь, но анализы ничего не показали, зато на лаборанта неподалеку от моего дома напал какой-то наркоман, избил и обшарил карманы. Не повезло парню – три шва пришлось наложить, а у него и взять-то было нечего...

Видя, что врач никак не реагирует, Франк продолжил:

– Я выполнял ваши предписания с маниакальной точностью, я даже с подругой своей спал только в назначенные вами дни, и вы еще спрашиваете, все ли я сделал как надо?

Рамбле методично пересматривал лежавшие на столе бумаги: видеть перед собой взвинченных мужчин и женщин любого возраста доктор давно привык, а для ответа ему требовалось время.

– Вот ваша третья спермограмма, она также подтверждает, что положение серьезное. При такой астеноспермии, иными словами – сниженной подвижности сперматозоидов, на зачатие рассчитывать трудно. Но отчаиваться рано, мы добьемся своего.

– Когда? И как?

– В прошлом у вас уже был ребенок, стало быть, от природы вы фертильны. Анализами крови, как и всеми остальными исследованиями, которые мы провели, не выявлено ни хронической инфекции, ни варикозного расширения вен семенного канатика, ни иммунной патологии. Вам пятьдесят лет, но с точки зрения способности к репродукции это не возраст, когда мужчина уже не может иметь детей. Лечение вам не помогает, однако я не вижу никаких физиологических причин для того, чтобы ваши сперматозоиды были такими вялыми, – возможно, надо поискать причины психологические.

Шарко напрягся: это проклятое слово «психология» снова обрушилось на него, оно будто приклеилось к нему. Это

проклятое слово выплыло даже тогда, когда речь всего лишь о том, что имеющееся у него стадо лентяев и бездельников топчется на месте и ни один не способен проскочить сквозь шейку матки. А доктор между тем продолжал:

– Стрессы, перегрузки на работе, следующие одно за другим тяжелые переживания, бессонница – все это действует на гормоны и нарушает баланс организма. Примерно каждый пятый случай временного бесплодия является следствием психологической блокады. Вы даже представить себе не можете, скольким бесплодным парам внезапно удалось зачать самостоятельно сразу после искусственного оплодотворения или усыновления.

Доктор побуждал Шарко к разговору, но с таким же успехом мог обращаться к стене. Он снова полистал бумаги и оглядел пациента: взъерошенный ежик волос с проседью, тяжелые руки, лежащие на коленях, темно-синий костюм хорошего покроя с галстуком, крепкое, мускулистое тело...

– Полагаю, на вашу долю выпало немало тяжелых периодов после рождения вашего первого ребенка. Восемь... восемь лет назад, не так ли?

В кармане Шарко завибрировал мобильник, он не обратил на это внимания и встал:

– Послушайте, доктор: я трижды запирался чуть ли не на рассвете в вашей кабинке, чтобы онанировать, глядя на фотографии из порножурналов, и еще три раза приходил к вам, чтобы получить одни и те же, поистине катастрофические,

результаты. Мне трудно говорить с вами об этом. И психологов-психотерапевтов-психоаналитиков я, уж поверьте, знаю как облупленных. Время не ждет, понимаете? Я уже не молод, да и моей подруге тридцать восемь лет, мы хотим ребенка как можно скорее, мысль об этом становится навязчивой. Мы хотим иметь ребенка – и без ЭКО.

– Я как раз хотел несколько подробнее рассказать вам об искусственном оплодотворении, месье. Это весьма эффективный метод и...

– Нет, простите. Ни моя подруга, ни я сам не прибегнем к этому. По... ну, скажем, по сугубо личным мотивам. Мне нужно другое решение проблемы – здесь и сейчас. Скажите, что оно существует, доктор!

Врач тоже поднялся со стула и медленно покачал головой с таким видом, будто все понимает. Шарко заметил у него на пальце серебряное обручальное кольцо. Ну да, ему лет тридцать, у него красавица-жена, может быть, дети – спрятанный в углу рисунок фломастером это подтверждает. Правда, в кабинете нет ни одной детской фотографии, но ведь некоторым парам с проблемами неприятно видеть чужое потомство...

– Через десять дней Рождество. Бросьте все. Уезжайте подальше от Парижа, от вашей работы, отдохните. А главное – наберитесь терпения: чем больше вы будете торопиться, тем меньше шансов прийти к цели. Перестаньте заикливаться на мысли о ребенке – это лучший совет, какой я могу вам дать.

Шарко хотел было сказать специалисту, что заикливается он отнюдь не по своей воле, но не стал: хватит уже посвящать Рамбле в свою личную жизнь. В прошлом Франка достаточно проблем, чтобы озадачить всех психиатров планеты.

Они обменялись рукопожатием. В приемной полицейский оплатил счет за консультацию наличными. Секретарша попросила у него социальную карту, и он снова притворился, что забыл ее. Девушка, как обычно, вздохнула и выписала еще одну квитанцию для передачи в местное отделение страховой компании. Шарко, как обычно, выйдя за дверь, тут же порвал квитанцию в клочья и выбросил в ближайшую урну, стоявшую у входа в лабораторию. Как обычно.

Комиссар шел по Шестнадцатому округу. Воздух был холодным, сырость пронизывала до костей, небо напоминало цветом металлические опилки, – по-видимому, вот-вот начнется снегопад.

Шарко потуже стянул на шее шарф, ему было тревожно. Вот уже восемь месяцев они пытаются сделать ребенка. Он и Люси. И пусть даже Люси ничего не говорила, не считала неудачные попытки, Франк чувствовал, что они выдыхаются, что рано или поздно отношения у них разладятся. Чувствовал, но на сегодняшний день не видел никакого решения: ему не хватало смелости признаться Люси в бесплодии – пусть и временном, как он надеется, но бесплодии, а с дру-

гой стороны, зная об этом, он все с большим трудом поддерживал в подруге веру в то, что ребенок у них будет. Возможно, доктор прав: надо взять отпуск, уехать на несколько недель, – возможно, вдали от Парижа эти чертовы сперматозоиды оживут и перестанут лениться...

Он со вздохом полез в карман пиджака, достал мобильник и прочитал два оставленных ему сообщения. В первом – от начальника Шарко, Никола Белланже, – говорилось, что надо ехать на место преступления в Трапп, это в тридцати километрах от Парижа.

Шарко сразу учуял какую-то подлянку: для того чтобы криминальную бригаду с набережной Орфевр, 36, вызвали на место преступления, явно подведомственного местной полиции, должно было случиться либо что-то очень скверное, либо что-то очень загадочное. Ну, или то и другое сразу.

Вторая эсмэска была от Люси. Оказывается, Белланже по тому же делу успел связаться и с ней, и его подруга, член их команды в течение полутора лет, уже за рулем – едет из столицы на юг.

Чудесный подарочек к Рождеству – новое дело, да еще такое! А болван Рамбле говорил об отпуске...

2

Столько лет он в этой чертовой профессии, столько пережито страданий и потерь, связанных с ней, а выезд на место преступления так и остался для Шарко ни с чем не сравнимым допингом. Кто жертва? В каком состоянии ее обнаружили? Что представляет собой убийца? Садист, психопат или, как в восьмидесяти случаях из ста, несчастный, опустившийся, выброшенный из общества человек? Шарко не мог вспомнить, каким был его первый труп, но отлично, в мельчайших подробностях, помнил, как взорвались тогда, больше двадцати лет назад, его чувства, как он ощутил сначала отвращение, затем гнев, затем возбуждение... И эта волна чувств накатывала на него потом всякий раз, как он приступал к новому расследованию, и всякий раз в одном и том же порядке: отвращение, гнев, возбуждение...

Он прошел через сад к дому, стоявшему в одном ряду с другими точно такими же и точно так же скрытому изгородью от взглядов соседей. Как всегда в таких случаях, здесь уже собралась целая куча спецов по убийствам – они ходили туда-сюда с чемоданчиками в руках и сотовыми, приложенными к уху. Это были полицейские из местного комиссариата, работники службы криминалистического учета, один или два представителя судебной власти, офицеры судебной полиции, парни из морга... Царил хаос, похожий на хаос му-

равейника, где каждый точно знает, куда ему двигаться и что делать.

Дом промерз до того, что изо рта вырывались облачка пара. Чаще всего Шарко читал на лицах этих людей усталость, но на этот раз их черты выражали нечто другое: тревогу и непонимание.

Пожав несколько рук, Франк отправился в кухню, следя за тем, чтобы не сойти с «тропинки», по обеим сторонам которой протянулись красно-белые ленты³, – выгородку эту сделали ребята из оперативно-технической службы. Посреди кухни, на кафельном полу, он увидел лужицы, а в них брикеты растаявшего пломбира, лоточки с раскисшим мясом и другие некогда замороженные продукты, пришедшие в весьма плачевное состояние. Лейтенант Люси Энебель, появившаяся в команде Белланже последней и ставшая пятой в группе, обсуждала что-то с его приятелем, патологоанатомом с набережной Рапе⁴. Заметив Шарко, Люси едва заметно кивнула ему, он поздоровался с Полем Шене, сунул руки в карманы и, глядя на подругу, спросил:

– Ну и где?

– Там, – показала она взглядом.

Все коллеги из дома 36 по набережной Орфевр знали, что

---

³ Место преступления во Франции огораживается лентами в поперечную красную и белую полоску.

⁴ На парижской набережной Рапе находится Институт судебно-медицинской экспертизы. – *Примеч. авт.*

Франк и Люси живут вместе, но сами они предпочитали вести себя на людях сдержанно: никаких объятий и поцелуев, никаких проявлений любви... И хотя все знали их историю, знали, как жестоко обошлась судьба с малышами Энебель, Кларой и Жюльеттой, это была запретная тема, об этом говорили лишь за закрытой дверью, да еще и убедившись, что ни Шарко, ни его подруги поблизости в коридоре нет.

Комиссар проследил за взглядом Люси и направился к отсеку, где была собрана вся кухонная техника и электроника.

Там, на дне большой пустой морозильной камеры, лежало скрюченное тело мужчины в нижнем белье. Синие губы, открытый – будто человек силился в последний раз закричать – рот. Около глаз замерзшая вода... а может быть, слезы? Светлые волосы покрыты инеем. Что до кожи, то вся она изрезана вдоль и поперек, особенно руки и ноги.

Там же, на дне морозилки, рядом с трупом лежал фонарик, чуть левее – ботинки и сложенная стопкой одежда: порезанные джинсы, рубашка в пятнах крови, джемпер. Глядя на испещрявшие стенки изнутри темно-красные полосы, оттененные сверкающей белизной льда, Шарко представил себе, как жертва пыталась любой ценой освободиться, как царапала стены и стучала в них до тех пор, пока пальцы не начали кровоточить.

Подошла Люси, встала рядом, обхватила себя руками, пытаясь хоть немножко согреться.

– Мы пытались вытащить его оттуда, но он... он при-

мерз. Когда мы пришли в квартиру, отопление было выключено, ребята повернули ручки термостатов до предела, чтобы сделалось теплее, но пока не стало. Сейчас принесут электрообогреватели, и придется подождать, пока он хотя бы немножко не оттает, чтобы взять образцы волокон и ДНК, а главное – вытащить-таки тело. Вот не везет так не везет!

– Промерзла только поверхность тела, – дополнил судмедэксперт Шене. – Я с трудом, но сумел измерить температуру внутри: девять градусов. Времени было недостаточно, и он не настолько замерз, чтобы обледенело сердце. С помощью технических характеристик морозильника и графиков, которые есть у меня в институте, я смогу довольно точно определить время смерти, ну, от и до.

Шарко вернулся к продуктам, валявшимся на полу. Убийца опустошил морозильник, чтобы засунуть туда жертву. Ни следа паники. Комиссар нашел взглядом Люси:

– При каких обстоятельствах найдено тело?

– В полицию позвонил сосед. Имя жертвы – Кристоф Гамблен, он владелец этого дома. Сорок лет, холостяк. Корреспондент газеты «Высокая трибуна»⁵, редакция – на бульваре Османа. Его собака начала выть под дверь примерно в четыре утра. Собака – кокер-спаниель, по свидетельству того же соседа, никогда не спит снаружи. Входная дверь не взломана. Либо Гамблен сам впустил своего убийцу, либо он и

---

⁵ Вероятно, тут намек на ежедневную французскую финансово-экономическую газету «Трибуна» («La Tribune»).

не запирал дверь, ожидая, пока эта самая собака не вернется с прогулки. Бардак на полу кухни обнаружили местные полицейские, они же перепилили ножовкой толстую цепь с висячим замком, опоясывавшую морозильную камеру и мешавшую ее открыть. Увидишь на фотографиях.

Сунув руку в морозильник, Шарко прощупал закраины стального обтекателя – кое-где они оказались примяты.

– Его засунули туда живым. Он пытался выбраться.

Комиссар вздохнул и заглянул Люси в глаза:

– Ты ничего? В порядке?

Стараясь не выдать истинных чувств, Люси только кивнула. А потом спросила шепотом:

– Ты же сегодня рано уехал из дому, да? Но когда Белланже звонил мне с работы, тебя там не было...

– Стоял в пробках на окружной. И вряд ли – с этим делом, которое на нас сейчас свалилось, – смогу за сегодняшний день наверстать упущенное с бумажками. А ты? Ты вчера поздно вернулась? Могла бы меня разбудить.

– Пожалела – ты так спокойно спал. Ну, почти спокойно, редко так бывает. А мне надо было покончить с материалами по делу, чтобы с утра передать его в суд.

Люси наклонилась к отверстию посреди гладкой поверхности крышки морозильника и заговорила громче:

– Смотри-ка! Это сделали дрелью, она тоже валялась на полу, отпечатков пальцев на ней не было. В саду есть сарайчик для инструментов, вот его-то дверь как раз взломали.

Впрочем, такой засов и отодвинуть не так уж трудно – достаточно как следует стукнуть по нему кулаком. Цепь, ви­сячий замок и дрель, скорее всего, взяли там. Земля снару­жи слишком твердая и холодная, чтобы на ней отпечатались следы подошв.

На пороге кухни показались техники с электрообогрева­телями. Шарко жестом попросил их задержаться на пороге.

– Зачем эта дырка? Убийца не хотел, чтобы он умер, за­дохнувшись?

Комиссар натянул перчатки из латекса, захлопнул крыш­ку морозильника и нагнулся к проделанному в ней отвер­стию:

– Или...

– ...или он хотел присутствовать при смерти жертвы. Ви­деть, как жертва будет биться о стены, бороться за жизнь.

– Тебе это кажется более правдоподобным?

– Безусловно. Мы нашли стеклянную пластинку, которой была прикрыта дырка. Через стекло убийца мог смотреть внутрь, а главное – не бояться, что из-за циркуляции воз­духа в морозильнике станет теплее, даже при выключенном отоплении. Эта стекляшка была тщательно протерта после использования, так что и здесь никаких отпечатков. Потом посмотрим, есть ли потожировые следы или ДНК.

– Надо же, какой дотошный...

– Ага, все предусмотрел. Кроме того, эта дырка объясня­ет, зачем в морозильнике фонарь. Должно быть, его положи-

ли внутрь перед тем, как запереть там Кристофа Гамблена. Жертва не захочет остаться в темноте, зажжет фонарь и делает тем самым наблюдение удобным для палача. Ужас какой-то... И даже если предположить, что у Гамблена хватило сил закричать, никто не мог его услышать: стенки у морозильника толстые, закрыт он герметично, а дом собственный, без соседей и жильцов.

Люси замолчала, приложив руки в перчатках к ледяному гробу и глядя в окно. За стеклами плясали первые в нынешнем году снежинки. Шарко знал способность подруги влезать в шкуру жертвы. Сейчас Люси мысленно внутри морозильной камеры, на месте Кристофа Гамблена, а он... он, Шарко, перемещался скорее в голову преступника, пытаюсь понять его логику. Дырка просверлена сверху, а не в одной из боковых стенок – почему? Опять-таки для удобства наблюдения или из желания господства? Использовалось ли это отверстие, чтобы расспрашивать жертву? Палач не жалел времени, делал все основательно, без паники. Завидное хладнокровие требуется для такого...

Почему выбрана именно такая смерть – среди льда? Связано ли это каким-то образом с сексуальностью? Долго ли убийца выслеживал Кристофа Гамблена, прежде чем перейти к делу? Были ли они знакомы? Обыск, вскрытие, первые же анализы, наверное, хоть на часть вопросов помогут ответить...

Шарко слегка отодвинул подругу-коллегу назад, снова от-

кинул крышку, еще раз осмотрел тело, повернулся, шаря взглядом справа, слева...

– В гостиной... – сказала Люси. – Там, в гостиной, нашли скотч и пятна крови на стуле. Там его пытали. Убийца привязал жертву к стулу, заткнул рот кляпом и стал делать ножом... да, возможно, ножом... надрезы на конечностях, на животе. Потом приволок сюда, чтобы запереть в морозильнике. Кровь на полу почти везде... А потом убийца стал смотреть, как жертва умирает.

Люси отошла к окну, опять обхватила себя руками. Шарко чувствовал, что нервы ее на пределе. После трагедии с девочками ей не всегда легко удавалось сохранять хладнокровие. Она больше никогда не присутствовала на вскрытии, и ей никогда не поручали дел, в которых жертвами были дети.

Комиссар Шарко предпочел сейчас не заострять на этом внимания и сосредоточился на своей требующей скрупулезности работе. Он прошел в гостиную, оглядел ее. Вот стул, вот чем жертва была связана, вот пятна крови... Оперативники тем временем рылись в ящиках. Франк заметил фотографию в рамке. Мужчина и женщина. В шляпах, загримированные, дудят в тещины языки... Они явно счастливы. Мужчина – это жертва. Светловолосый, стройный, в глазах – настоящая жажда жизни.

Но кто-то решил положить конец его существованию.

Шарко вернулся в кухню и подошел к судмедэксперту:

– Как ты думаешь, зачем убийца засунул в морозильник

одежду? И когда он это сделал: до или после смерти жертвы? Может быть, это символическое для преступника действие и...

Они с Шене были друзьями. Иногда обедали вместе, раз или два в месяц пропускали по стаканчику. Судмедэксперт не довольствовался тем, чтобы добросовестно провести вскрытие, ему нравилось чувствовать себя тесно связанным со следствием, обсуждать его ход с полицейскими, знать, чем кончилась история, участие в которой ограничивалось для него первой страницей, – до последней он никогда не доходил.

– Нет тут ничего символического! Думаю, жертва, пока находилась снаружи, была в одежде. Конечно, надо будет посмотреть все вещи повнимательнее, когда они оттают, но разрезы на джинсах и рубашке позволяют предположить, что убийца не раздевал Гамблена перед тем, как пытаться его. Поэтому, тот разделся сам уже внутри камеры.

– Ну-ка, объясни, не понимаю.

– Ты никогда не подбирал бродяг, умерших от холода? Некоторых из них находят совершенно голыми, а одежда лежит рядом. Как правило, такое случается во время сильных морозов, и называется это «парадоксальным раздеванием». Человек утрачивает ориентацию, ему начинает казаться, будто без одежды станет теплее. В большинстве случаев это происходит непосредственно перед полной потерей сознания. Такое поведение связано с дисфункцией гипота-

ламуса, части мозга, которая регулирует температуру тела. Иными словами, мозг от переохлаждения начинает барахлить, а жертва в результате – делать или говорить бог знает что...

Люси смотрела на свое отражение в оконном стекле, за которым медленно кружились снежные хлопья. Были бы девочки сейчас здесь, они, визжа от радости, нацепили бы куртки и варежки, побежали на улицу... Потом стали бы лепить снеговика, кидаться друг в друга снежками и хохотать, хохотать...

Она печально вздохнула и спросила, не оборачиваясь:

– Сколько времени он умирал?

– Порезы на первый взгляд поверхностные, он должен был потерять сознание, когда температура тела опустилась ниже двадцати восьми градусов по Цельсию. Все происходило довольно быстро, потому что вокруг него было минус восемнадцать. Конечно, точнее скажут графики, но думаю, что все кончилось не больше чем за час.

– Это долго – час.

Шарко разогнулся, потер ладонь о ладонь. Все нужные снимки уже сделаны, все запечатлено навеки, теперь можно будет рассматривать фотографии, когда захочется: днем, ночью, в таком ракурсе, в другом... Нет никакого смысла оставаться в этой проклятой комнате. Пусть тут действуют криминалисты. Люди в белых комбинезонах закрыли все двери, включили электронагреватели, установили над морозильни-

ком мощные лампы, зажгли их тоже. Можно было бы ускорить процесс с помощью электросушилок или газовых горелок, можно было бы... а если бы таким образом оказались сдуты, уничтожены следы?

В свете прожекторов кристаллы льда искрились, и от этого нагота покалеченного тела казалась еще более ужасающей. Эта ледяная пещера стала последним пристанищем Кристофа Гамблена, и он сжался в комок, словно хотел в последний раз согреться. Шарко снова подошел к морозильной камере, сунул голову внутрь, всмотрелся в замерзшего и нахмурил брови:

– Я брежу или там действительно на льду, под локтями, что-то нацарапано?

Люси, глядя в затянутое тучами небо, молчала. Шене шагнул вперед, встал рядом с комиссаром и наклонился:

– Ты прав, он пытался что-то написать...

Выпрямившись, судмедэксперт приказал техникам:

– Ну-ка, помогите нам вытащить тело наружу, не повредив его. Быстренько, пока лед не растаял.

Они принялись «отклеивать» труп Кристофа Гамблена, не ожидая помощи Люси и стараясь действовать как можно аккуратнее. Наконец им удалось оторвать тело от промерзшего пола с минимумом потерь: так, несколько лоскутков кожи. Комиссар попытался расшифровать нацарапанное на льду:

– Похоже, тут написано... тут написано «ACONLA»... но

некоторые буквы частично стерлись...

– Тут может быть не «С», а «G», – заметил Шене, – и не «L», а «I», тогда получается «AGONIA», то есть «агония». Или, на позднелатинском – «тревога», «томление», «страдание»... Это же вполне отвечает тому, что он испытывал, правда?

3

Закон защищает личность, человека, облеченного плотью, но не защищает плоти как таковой: тело превращается в объект, с юридической точки зрения не слишком определенный, – не вполне предмет, но уже и не личность. В глазах закона Кристоф Гамблен больше не был личностью – только телом. Час за часом аутопсия места преступления обнажала самые интимные уголки его прежнего существования: кто-то беззастенчиво обшаривал его ящики, кто-то перебирал бумаги и счета, кто-то, стремясь узнать, с кем и когда он встречался в последнее время, опрашивал соседей и близких...

Для того чтобы выяснить: дом, в котором жил Кристоф Гамблен, принадлежал его разведенному отцу, а машина была куплена в кредит, – долго копать не пришлось. Приступили к составлению списка абонентских договоров на оказание тех или иных услуг... На всех недавних фотографиях журналист был с женщиной – той, что снималась в шляпе и с тещиным языком, – или с друзьями, скорее всего на каких-нибудь домашних вечеринках. Всех этих людей предстояло допросить. Осиротевшую собаку Гамблена работники Общества защиты животных увезли в приют, там она будет ждать, не заберет ли ее кто-нибудь из близких погибшего хозяина. Полицейские рылись в личной жизни убитого, исследовали его досуг, изучали его постельное белье – пока они не пере-

ворошат весь дом, не успокоятся.

Люси и Шарко оставили коллег работать на месте преступления, а сами где-то около часа дня отправились в центр Девятого округа столицы – в редакцию «Высокой трибуны». Адрес нашелся на служебных визитках жертвы, и, возможно, именно там, в редакции, Кристофа видели в последний раз. Робко начинался снегопад, они ехали друг за другом, каждый на своей машине, часом позже припарковались на подземной стоянке вблизи бульвара Османа и вместе поднялись на поверхность.

Ветер трепал шарфы, прорывался внутрь станций метро, снег и рождественское оформление придавали Большим бульварам праздничный вид. Люси печально смотрела на большие красные шары, подвешенные над дорогой.

– В Лилле мы с девочками всегда наряжали елку первого декабря, я сама делала адвентские календари с сюрпризами и дарила им... На каждый день до Рождества по сюрпризу...

Она сунула руки в карманы и замолчала. Шарко не знал, что сказать. Знал одно: во время праздников и школьных каникул им обоим бывало особенно тоскливо, а рекламные кампании игрушек становились – опять-таки для обоих – просто адом. Любой шорох, любой звук или запах ассоциировался у Люси с тем или иным воспоминанием о дочках, любой возвращал ей девочек, и крохотные язычки пламени все загорались, загорались, загорались...

Франк решил, что лучше сейчас поговорить о грязном де-

ле, которое им поручено:

– В дороге я получил от ребят кое-какие сведения: нашли сотовый Гамблена, но не обнаружили никаких следов компьютера, хотя в счетах обозначено, что чуть больше года назад он купил новый...

Люси не сразу оторвалась от своих мыслей и включилась в разговор.

– А заявления о краже не было?

– Нет. Что касается подключения к Интернету, то его провайдер «Ворднет»... Не повезло.

Люси поморщилась. И впрямь как назло: «Ворднет» из тех провайдеров, которые ни под каким соусом не выдают никакой информации о пользователях, даже погибших от руки преступника, даже в рамках расследования уголовного дела. Законы, которые позволили бы в таких случаях доступ к защищенным договором о конфиденциальности персональным данным, пока не были приняты, только обсуждались, так что приходилось обходиться открытой информацией. Все, что могли получить полицейские, – это отчет о подключениях Гамблена к Сети за шесть последних месяцев: координаты места, где он находился, и время подключения, но никакой возможности просмотреть его электронную почту, сайты, которые он посещал, адресную книгу, у них не было...

– Значит, компьютер унес убийца... Но зачем? Это связано с какими-то журналистскими служебными заданиями?

Со знакомством по Интернету? Или для убийцы это стало средством в еще большей степени завладеть жертвой?

Шарко пожал плечами:

– Что касается слова, выцарапанного на льду, поиски со-ответствий слову «ACONLA» не дают ровно ничего, зато «AGONIA» – это и название книги, и название итальянско-го фильма, и название маркетингового агентства. Ну и, как подчеркнул Шене, это слово отсылает к латинскому происхождению нашего слова «агония»...

– Но почему он написал это на латыни?

– Робийяр скоро займется этим вплотную. Пока он исследует телефонные счета, но это все равно что искать иголку в стоге сена. Каких только нет номеров – буквально в любом уголке земли! Гамблен был журналистом, а это значит, что он буквально сросся со своим телефоном, без телефона никуда...

Редакция «Высокой трибуны» находилась в здании бывшей парковки, чем и объяснялась причудливая архитектура помещения. В этой ежедневной газете работали больше ста журналистов и сорок корреспондентов, тираж ее доходил до ста шестидесяти тысяч экземпляров. С одного этажа на другой надо было подниматься по спиральной дорожке, выложенной серым ковровым покрытием. Встречу главный редактор назначил на четвертом. Полицейские поднимались выше и выше, а вокруг них сновали туда-сюда люди, гудели компьютеры, голов сотрудников не было видно за горами бумаг. В

последнее время темой номер один для прессы стало завоевание космоса. Глава Федерального космического агентства России сообщил, что очень скоро будет организована экспедиция в глубокий космос, до Юпитера и дальше, и это обещает новые решения, связанные с длительностью пребывания астронавтов вне Земли, увеличивая его едва ли не до бесконечности.

На Люси и Шарко были обращены все взгляды, везде, где они оказывались, устанавливалась тревожная тишина. Солидный мужчина в костюме в полоску... Женщина с конским хвостом, на ней джинсы, тяжелые ботинки, короткая куртка – эта баба наверняка с пушкой, достаточно посмотреть более внимательно на ее наглухо застегнутую куртку... Никаких сомнений в том, что сотрудникам уже известно об убийстве Кристофа Гамблена, им всем сообщил об этом главный, а ему – еще утром – полиция.

Но вот они наконец вошли в маленький, заваленный бумагами кабинет и поздоровались с главным редактором, вид у которого был весьма серьезный. Себастьян Дюкен, высокий худощавый мужчина лет сорока, закрыл за посетителями дверь, пригласил их сесть и тяжело вздохнул:

– Как ужасно то, что произошло!

Они обменялись несколькими принятыми в таких случаях фразами, потом Люси попросила хозяина кабинета рассказать о коллеге.

– Насколько помню, он в свое время поменял судебную

хронику, которой занимался с первого дня работы в редакции, на хронику происшествий. Мы работали вместе шесть лет, но я не могу сказать, что хорошо знал Кристофа. Да мы почти и не виделись – чаще всего он писал свои заметки дома и присылал их мне электронной почтой. На задания ездил один, без фотографа. Независимый, расторопный, пробивной. Скандалов из-за его статей никогда не было.

– Какие темы предпочитал Гамблен?

– Я же говорю: он работал в отделе происшествий. А там может быть что угодно и сколько угодно грязи... Несчастные случаи, сведение счетов, убийства... Раньше он почти все свое время проводил в судах, на слушаниях самых кошмарных, самых ужасных дел. Надо же, пятнадцать лет болтался во всем этом дерьме, а теперь вот с самим такое...

Журналист смутился, сделал вид, что закашлялся, сообразив, что у этих двоих, сидящих напротив, работа еще менее завидная.

– Он никогда не пытался уйти к конкурентам. Несмотря ни на что, я думаю, ему было здесь, у нас, хорошо. Он встречался с людьми, он отлично знал свое дело.

– А любил он это свое дело?

– Да. Гамблен был истинный трудоголик.

– Передвигался много?

– Очень много, в конторе не сидел, всегда был где-то на задании, но не выезжал за пределы Парижа и окрестностей. Это была его территория. Наша газета принадлежит холдин-

говой компании, которая владеет несколькими филиалами в регионах, у каждого – свои новости и своя хроника происшествий, но для освещения самых важных новостей у нас общие страницы.

– Нам бы хотелось познакомиться с последними материалами жертвы.

– Нет ничего проще! Если дадите электронный адрес, я вскоре пришлю их вам.

Шарко достал визитную карточку, отдал ее Дюкену и перешел к рутинным вопросам.

Главный редактор рассказал, что у Кристофа Гамблена на работе не было никаких проблем, никаких врагов, никаких ни с кем ссор или разногласий – ну, разве что мелкие стычки время от времени. У него не было постоянного рабочего места; когда приходил в редакцию, садился в *openspace* то там, то сям, но никогда не пользовался редакционными компьютерами, только своим собственным ноутбуком – чтобы не тратить лишнего времени.

Люси перевела взгляд с собеседника на висевшую позади него на стене «простыню» – календарный план работы, где рядом с именем каждого сотрудника редакции была приклеена его маленькая фотография, какие делаются для документов, и с помощью разноцветных клейких кружочков обозначены его присутственные дни.

– Скажите... вот тут, на вашей схеме, фотография и рядом имя: «Валери Дюпре». Мы уже видели эту женщину на

снимке с Кристофом Гамбленом у него в квартире. Но, судя по вашим данным, последний раз она была в редакции больше полугода назад... С ней случилось что-нибудь серьезное?

– Смотря что под этим понимать... Валери взяла годичный отпуск – она решила написать книгу, ради которой придется поколесить по свету. Дюпре обожает журналистские расследования, рыщет везде, где только можно, чтобы раздобыть нечто, никому еще не известное, что-то такое, что от всех скрывают. И надо сказать, у нее в этом смысле дар.

– А о чем ее книга?

Главный редактор пожал плечами:

– Опять-таки никому не известно. Предполагается, что это будет огромный сюрприз. Конечно же, мы пытались хоть что-то узнать, но Валери, как никто, умеет хранить секреты. И я убежден, что в любом случае ее книга наделает шума. Валери считается в журналистике «золотым пером», и работает она как одержимая.

– Похоже, у нее с Кристофом Гамбленом были очень близкие отношения...

Дюкен кивнул:

– Вы правы, они были очень близки, но, думаю, не жили вместе. Валери появилась у нас в редакции около пяти лет назад, и они с Гамбленом сразу же нашли друг друга. Но должен сказать, Валери не из тех сотрудников, с которыми все просто. Тут и легкая паранойя, и крайняя замкнутость, и, извините за выражение, занудство: такая кого угодно доста-

нет... В общем, этакий журналист-следователь во всей красе.

– Можете дать ее адрес? – спросил Шарко.

Себастьян, справившись в компьютере, продиктовал полицейскому адрес, комиссар записал, а Люси тем временем встала и подошла к календарному плану с фотографиями:

– Как вам кажется, не было ли у Кристофа Гамблена в последнее время каких-то, может быть личных, проблем? Не выглядел ли он озабоченным, не изменилось ли его поведение?

– Ни в коей мере.

– Судя по тому, что я здесь вижу, в конце ноября и в начале декабря он брал отгулы. Почему-то не подряд. Вторник, четверг, а потом понедельник на следующей неделе... Можете сказать почему?

Дюкен закрыл на компьютере файл со списком сотрудников и, на мгновение обернувшись к листу на стене, ответил:

– Нет, причин, сами понимаете, я не знаю, но знаю, что он использовал свое свободное время очень странным образом. Один из коллег в тот самый отгульный день, когда Кристофу не нужно было появляться здесь, видел его в архиве на нулевом уровне. Насколько мне известно, Гамблен копался тогда в старых подшивках, десятилетней давности.

– А можно нам поговорить с этим коллегой?

На нулевом уровне не было окон. Бетонные стены, низкие потолки, пилястры каждые два метра – наследство автостоянки, ее призрак. От неоновых ламп – впечатление искусственно созданного дня. Некоторые места, предназначенные для машин, превратились в склады офисных материалов: вышедшие из употребления компьютеры, принтеры, тонны бумаг, которые никто никогда не сортировал...

Журналиста, который привел сюда Шарко и Люси, чтобы порыться в старых подшивках, звали Тьерри Жаке. Они шли вдвоем вдоль полок, где красовались одетые в разноцветный картон основное и все региональные издания, начиная с 1947 года. Тьерри был довольно молод: джинсы, кеды, очки в квадратной оправе, которая свидетельствовала о том, что перед вами интеллектуал, не чурающийся, однако, модных новинок.

– Мы спускаемся сюда, если надо откопать какое-то старое дело или найти материал для работы. Большинство до сих пор предпочитают бумагу компьютерным файлам, ну и потом, это дивное средство побыть в тишине, дать ушам отдохнуть от шума, вы же меня понимаете? Здесь я и видел Кристофа в последний раз. Мы тогда немножко поболтали, но я чувствовал, что он напал на след и только и мечтает: пусть меня наконец оставят в покое!

Люси рассматривала длинные ряды картонных корешков, теряющиеся в бесконечности подвала.

– А что он искал?

– Не знаю. Сказал только, что «готовит одну штуковину» и что дело это сугубо личное, но ничего не уточнил, а поскольку мне и без того казалось, что мешаю ему, я не стал расспрашивать. Но подшивки, которые лежали перед ним на столе, видел. Одни были темно-синие, другие – красные. Этими цветами обозначаются регионы Рона—Альпы и Прованс—Альпы—Лазурный Берег. Думаю, он рылся в подшивках нулевых годов, потому что заметил на одной из синих – региона Рона—Альпы – крупную надпись: «2001».

– Вы хорошо знали Кристофа?

– Нет, не сказал бы. Мы редко работали вместе, разве что на летучках встречались.

– Но что вообще может заставить человека просиживать здесь все свои отгульные дни?

– Ах вот вы о чем!

Теперь они добрались до ниши между стеллажами со сравнительно недавними подшивками. Все было расставлено в безупречном порядке. Жаке вытащил одну из больших плоских коробок – синюю, с надписью «Рона—Альпы / первый квартал 2001», достал ее содержимое – примерно девять-десять газет – и стал быстро перебирать их.

Шарко нахмурился:

– Как вы рассчитываете найти тот или те номера, которые

интересовали Кристофа?

– Не их. Кристоф вышел отсюда с зажатыми под мышкой газетами – наверное, хотел поработать с ними дома, и, если фортуна на нашей стороне, может быть, он не успел принести их обратно.

Задетая за живое Люси взяла другую подшивку 2001 года и принялась ее изучать. Дома у жертвы не оказалось никакого архива, но почему бы Гамблену не оставить газеты в другом месте? А если их унес убийца?..

Прошло несколько минут, и Жаке первым воскликнул:

– Бинго! Смотрите, тут не хватает номера за восьмое февраля две тысячи первого года!

– Можно найти другой экземпляр этой газеты?

– Две тысячи первый... в конце концов, не так это было давно... Думаю, в компах найдется электронная версия... А в худшем случае, запросим региональный филиал, они сосканируют со своей подшивки и пришлют то, что нам нужно. Хотите, гляну, что там у нас есть оцифрованное?

Шарко со вздохом оглядел ряды картонных полосок:

– Да, пожалуйста. А мы с коллегой пока пошуруем в этих двух регионах: Рона—Альпы и Прованс—Альпы—Лазурный Берег – я правильно понял? Темно-синие и красные коробки?.. Ну, хотя бы начала нулевых.

Искать недостающие газеты в комплектах из примерно трехсот шестидесяти пяти экземпляров – это, в общем-то, не так уж страшно, ну, понадобится чуть-чуть терпения...

Несколько минут спустя вернулся Жаке:

– В базе данных нашлась-таки электронная версия этого номера. Могу вам ее прислать.

– Это было бы прекрасно!

Они стали рыться в газетах втроем и через час выяснили, какие номера взял себе Кристоф Гамблен. Четыре газеты, вышедшие в период с 2001 по 2004 год: две, 2001 года и 2002-го, выпущенные филиалом редакции, расположенным в регионе Рона—Альпы, и две, соответственно, 2003 и 2004 года, – филиалом, что работает в регионе Прованс—Альпы—Лазурный Берег. Люси тщательно записала в блокнот, с которым никогда не расставалась, выходные данные, и полицейские отправились вслед за Жаке наверх, к компьютеру. Шарко по дороге размышлял, не связаны ли между собой таинственная игра Кристофа Гамблена в архивиста и его ужасная смерть.

Журналист сел к монитору, довольно быстро нашел полностью оцифрованные старые газеты и сохранил их в особой папке на рабочем столе. Шарко дал молодому человеку электронный адрес Паскаля Робийяра, лейтенанта, который в их команде занимался компьютерным поиском и сопоставлением разной информации. Жаке оказался парнем проворным и умелым, через пять минут документы ушли по назначению.

Шарко и Люси попрощались с Тьерри, сказали журналисту, что ему, как и его коллегам, с которыми Гамблен общался в последнее время, скорее всего, придется дать в доме 36

по набережной Орфевр показания, вышли из здания редакции и двинулись вдоль бульвара, отданного во власть ветра. Асфальт уже покрылся тонким слоем снега, и снег этот не таял, что не предвещало ничего хорошего для уличного движения. Люси, пряча лицо в красный шерстяной шарф, взглянула на часы:

– Ох ты! Уже почти три! Не зря у меня живот подвело... Может, зайдем перекусим, прежде чем вернуться на Орфевр? Повернем к Ле-Аль? Пиццу у Синьорелли?

– Валери Дюпре живет в Восьмом округе, недалеко от метро «Гавр-Комартен», то есть в двух шагах отсюда. Давай перехватим чего-нибудь тут поблизости и зайдем ее навестим, не возражаешь?

Судя по адресу, который выдал им главный редактор «Высокой трибуны», Валери Дюпре жила в старинном доме между станциями метро «Мадлен» и «Обер». Улица спокойная, с односторонним движением. Было уже около четырех, смеркалось. Снежинки, похожие на любопытных светлячков, поблескивая под фонарями, плясали вокруг прохожих. Зима вступала в свои права, и синоптики обещали, что она будет суровой.

Полицейские вошли в ворота, пересекли мощный двор, отыскивали парадное с квартирой 67, позвонили по домофону. Постояли, сунув руки в карманы и втянув голову в плечи, подождали и, поскольку никакого ответа на их звонок не последовало, стали тыкать во все кнопки подряд: авось хоть кто-нибудь да отзовется! Так в конце концов и вышло. Им открыли.

Выпростав лицо из шарфа, Шарко исследовал почтовый ящик с номером 67: полон до краев, только что не лопается.

– Слишком много почты – это дурной знак. Должно быть, Валери давно не была дома.

Люси обнаружила, что лифт здесь отсутствует, поморщилась и, наклонившись, потеряла лодыжку.

– Что, опять? – забеспокоился Шарко.

– Болит немножко. Но не сильно.

– Ах вот оно что? Значит, теперь никакого спорта, никаких травм!

– Да ладно тебе, все в порядке!

Они стали подниматься на шестой этаж: впереди Франк, за ним Люси. Люси часто останавливалась: ее связкам лестницы были противопоказаны. Взобравшись почти под крышу, Шарко решил было позвонить, но передумал, присел у двери, исследовал замочную скважину и – приложил палец ко рту:

– Ш-ш-ш! Взломано.

Они тихонько отступили назад.

– Меня бы сильно удивило, если бы кто-то встретился мне внутри, – еле слышно прошептал Франк, – но на всякий случай оставайся здесь.

– Как же как же, размечтался!

Люси, стиснув в правой руке оружие, проскользнула вперед и, не снимая перчатки, повернула дверную ручку. Полицейские – друг за другом, палец на спусковом крючке – вошли в прихожую и прежде всего осмотрели углы. Никого. Зажгли свет и направились в комнату.

Беспорядок тут был ужасающий. Из ящиков все выброшено, стеллажи с книгами повалены, везде – груды бумаг...

– В спальне и в ванной – ничего интересного, – сообщила Люси, вернувшись в кабинет хозяйки квартиры.

– В гостиной и в кухне тоже, – ответил ей Шарко.

Они медленно повернулись вокруг своей оси, вглядыва-

ьясь в окружавший их хаос и стараясь не наступить ни на одну бумажку.

– Все перевернуто и вывернуто наизнанку, но вроде бы ничего особо ценного не унесли.

Напряжение немного спало, и Шарко позвонил Никола Белланже. Люси тем временем еще раз бегло осмотрела другие комнаты.

Квартирка была маленькая, метров сорок, не больше, но с учетом ее местоположения, видимо, обходилась нанимательнице недешево. Холодильник и полки в кухонных шкафах оказались почти пустыми...

Шарко сунул мобильник в карман и взял Люси за руку:

– Пошли отсюда: как бы нам чего не затоптать до приезда наших ребят и криминалистов. Станем делать все по правилам и, пока их нет, опросим соседей.

– Ну да, как порядочные. Погоди-ка секундочку.

Люси подошла к телефону с автоответчиком. На экране мигала цифра 1. Телефон оказался соединен проводом с коробочкой, обеспечивавшей доступ к Интернету во всей квартире. Так... а ни одного компьютера и здесь не видно! Люси нажала клавишу.

Сообщение было датировано сегодняшним утром.

Сообщение 1: четверг, 15 декабря, 9 ч. 32 мин.

Здравствуйте, мадам. Вас беспокоит комиссариат полиции Мезон-Альфора⁶. Сегодня четверг, 15

---

⁶ Мезон-Альфор – небольшой городок на реке Марна, в департаменте Валь-де-

декабря, 9 ч. 30 мин.

Мы подобрали больного ребенка-бродяжку, а в кармане у него нашли листок бумаги, на котором синими чернилами написано от руки: «Валери Дюпре, 75⁷, Франция». Ребенок не разговаривает и выглядит очень испуганным. Ему лет десять на вид, волосы светлые, глаза черные. На мальчике поношенные вельветовые брючки, сильно стоптанные кеды и дырявый свитер. В Париже, кроме вас, – еще три женщины по имени Валери Дюпре. Если вы считаете, что дело касается именно вас, можете ли срочно нам позвонить? Оставляю свои координаты: Патрик Тремор, старший инспектор полиции. Мой телефон: 06-09-14... Повторяю: 06-09-14... Спасибо.

Шарко дослушал сообщение и, схватившись за голову, вышел в прихожую:

– Хотел бы я знать, что все это означает!

Марн, по существу – юго-восточный пригород Парижа.

⁷ Номер, под которым значится Париж в списке департаментов Франции.

Полицейские во главе с Белланже приехали довольно скоро. Два техника-криминалиста – чтобы поискать отпечатки пальцев и следы ДНК (могут ведь они обнаружиться на посуде, простынях, одежде?), фотограф и офицер судебной полиции, которого прислали в подкрепление, потому что группе Никола Белланже и без того было чем заняться: расследование убийства Кристофа Гамблена только-только началось.

Забитый до отказа почтовый ящик и свидетельства соседей позволяли предположить, что Валери Дюпре не переступала порога своей квартиры недели две, не меньше. Никто в доме не был хорошо с ней знаком: Валери уходила рано, приходила поздно и не отличалась склонностью к болтовне. Не слишком-то симпатичная и сильно замкнутая девица – так характеризовали ее соседи. Валери отправилась путешествовать? Может, какая-то беда с ней случилась? Есть ли тут прямая связь с убийством Кристофа Гамблена? Вопросы у полицейских возникали один за другим, – как в начале любого сложного дела, вопросов была уйма, ответов почти никаких.

Договорив и спрятав мобильник, Шарко подошел к Люси, которая обсуждала что-то с Белланже на площадке перед квартирой. Тридцатипятилетний Никола, высокий, атлетически сложенный, никогда ничего не рассказывал о своей

личной жизни, подчиненные даже не знали, есть ли у него жена или подруга. В полдень он частенько выходил побегать в Булонский лес с Люси и другими коллегами, а Шарко в это время обычно сидел над каким-нибудь старым, но так и не законченным делом или отправлялся в тир – расстрелять в одиночку две-три обоймы. Белланже стал руководителем группы в Уголовной полиции три года назад, обычно на это место ставили более опытных, молодой лейтенант получил должность по протекции, но не подвел тех, кто его пристроил, очень неплохо справляясь со своими обязанностями.

– Я поговорил со старшим инспектором комиссариата в Мезон-Альфоре – с тем, который нашел мальчишку и оставил сообщение на автоответчике Валери, – сказал Франк. – Мальчика обнаружили в подвале жилого дома лежащим на полу, явно чем-то перепуганным. Его обыскали, вытащили из кармана бумажку, а по фрагменту адреса, на ней написанному, – уже в телефонном справочнике Парижа установили номер телефона Валери Дюпре. Сейчас ребенок в кретьской⁸ больнице, его обследуют. Он все время молчит, и никто не знает, кто он и откуда. Пожалуй, я туда съезжу... Ты со мной, Люси?

– Думаю, одному из нас лучше остаться здесь, чтобы помочь: обыск пока проходит довольно скучно, никаких зацепок...

---

⁸ *Креть* – город на реке Марна в 11,5 километра от Парижа, столица департамента Валь-де-Марн. Здесь несколько крупных больниц.

– Ладно. Судя по погоде, поездка может получиться долгой. Пока!

Он кивнул Белланже и стал спускаться по лестнице. Люси перегнулась через перила и, провожая Шарко взглядом, заметила, что, перед тем как скрыться из виду, он как-то странно на нее посмотрел.

Энебель вошла в квартиру вслед за начальником. Полицейский в перчатках разбирался в бумажном хламе, криминалисты из судебной полиции искали следы взломщика на тех частях предметов, где они могли сохраниться: на ручках дверей, подлокотниках кресел, гладких поверхностях... Ответственный за обыск коллега, Микаэль Шьё, протянул им прозрачный полиэтиленовый мешочек:

– Криминалистам попало кое-что интересное. Для начала – шесть сим-карт. Симки эти застряли в сливе умывальника; взломщик, видимо, считал, что водой их смыло, – ан нет. Но они там совсем промокли, и ничего пока разобрать не удалось.

Белланже взял пакет и прощупал зеленоватые прямоугольнички:

– Мы знаем, что Валери Дюпре вела журналистские расследования. Среди пишущих на горячие темы журналистов, с которыми мы сталкивались по работе, у многих было по несколько телефонов. Они регистрировали номера на подставных абонентов, и это обеспечивало им прикрытие, настоящие хамелеоны. А счетов подходящих не нашлось?

– Ни одного, имеющего отношение к телефонной связи.

– Хм... Тогда еще один вариант. Возможно, это симки с анонимными номерами, не требующие при покупке оформления⁹. Такие анонимные номера – лучшая возможность не засветиться. Полная безопасность для владельца, потому как, если симка не привязана к реальному абоненту, поеди найди, какому номеру она соответствует и кто телефоном пользуется.

Микаэль Шьё согласился и, покончив с сим-картами, показал удостоверение личности:

– Видите? Удостоверение на имя жительницы Руана Вероники Дарсен, а фотография между тем – Валери Дюпре.

Белланже внимательно осмотрел карточку:

– Должно быть, это часть ее коллекции поддельных документов. Когда расследуешь горячую тему – а Валери занималась именно этим, – лучше своего имени не открывать. Так чаще всего и бывает. Человек, то и дело переезжая с места на место, пользуется вымышленными именами. М-да, это отнюдь не облегчает нам задачи...

– И еще, смотрите... Вот запросы на туристические визы, все подавались почти год назад. На этот раз – от имени Валери Дюпре: было бы слишком рискованно врать в посольствах. Перу, Китай, США – штат Вашингтон и штат Нью-Мексико, Индия. Может быть, в этом бардаке найдется еще

---

⁹ При покупке такой сим-карты не просят предъявить паспорт и не составляют договора. – *Примеч. авт.*

что-нибудь в том же роде, надо порыться как следует... Думаю, обратившись в соответствующие посольства, мы получим все сведения по этим запросам, уж даты-то путешествий узнаем точно, а то и в каких городах «туристка» собиралась побывать... Еще, может быть, установим, не путешествует ли она, случайно, сейчас по одной из этих стран, ведь такое вполне вероятно: в квартире нет ни портативного компьютера, ни сотового телефона, ни фототехники. Между тем у журналистов, подобных нашей клиентке, всегда имеются мощный ноут и отличная камера с несколькими объективами.

Белланже с довольным видом записывал информацию в блокнот. Акты, протоколы, донесения, свидетельские показания – все это впереди, равно как и поиски и беседы с родными и близкими Валери, которым предстоит сообщить об ее исчезновении и которых следует вызвать для допроса... Конца этому не будет, поручений хватит для всех его, таких разных, подчиненных.

– Хорошо, Шьё, очень хорошо.

Люси подошла к опрокинутому стеллажу, присела и прищелкнула языком. Чего тут только нет! От детективов до биографий политических деятелей... Наскоро поворошив книги, она поднялась и направилась к рабочему уголку в глубине комнаты. Небольшая настольная лампа, наушники к плееру, принтер... а компьютера нет... Здесь тоже все разворочено и выкинуто из ящиков. Взяла наугад несколько листов

бумаги. Распечатки страниц из Интернета, электронные адреса источников или поставщиков информации, фотокопии книг...

Она повернулась к Шьё:

– Главный редактор газеты, в которой работает Дюпре, сказал, что она писала книгу о каком-то своем расследовании, но, к несчастью, никто вроде бы не знает темы. Тебе удалось найти хоть что-то относящееся к какому бы то ни было расследованию? Документы, рукописные заметки...

– Конечно, сразу этого не определишь, потребуется еще некоторое время, но на первый взгляд ничего такого здесь нет. Может быть, в книгах – там, на полу?

– Смотрела и тоже «ничего такого» не обнаружила. Не попало даже нескольких книжек на одну и ту же тему.

Напрашивался вывод: если взломщик что-то отсюда и унес, то только компьютер и фотоаппарат, – все остальное, включая предметы, представляющие собой некую ценность, кажется, осталось на месте. Иными словами, мотивы тут были другими, чем при классическом ограблении, – выброшенные в умывальник сим-карты тоже свидетельствуют об этом.

Белланже отвел Люси в сторону:

– Понимаешь, мне уже пора ехать во Дворец правосудия – прокурор ждет, а через три часа назначена аутопсия, и нужно, чтобы кто-то из уголовки там присутствовал... На долю Леваллуа за последнее время выпало многовато вскрытий, да он и занят сейчас соседями Кристофа Гамблена, Шарко

– с учетом пробок и погоды – ни за что не успеть к этому времени вернуться из больницы, мне ужасно неудобно тебя просить...

Люси поколебалась, но в конце концов взглянула на часы:

– Значит, на набережной Рапе в восемь? Хорошо, я съезжу туда.

– Уверена, что сможешь?

– Раз я тебе сказала...

Капитан улыбнулся и ушел, а Люси вернулась к работе. Она ничего не знает о Валери Дюпре, стало быть, надо копать, копать и копать, пытаюсь разобраться в том, что собой представляет эта женщина.

Вот она – на окантованных снимках, сделанных, похоже, профессиональным фотографом. На вид лет сорок, очень привлекательная, всякий раз с мужчинами в галстуках на фоне больших предприятий. «Эльф Аквитен», «Тоталь»...¹⁰ Люси заметила, что Дюпре всегда разная: то она блондинка, то брюнетка, то в очках, то без, то коротко подстрижена, то с длинными волосами – женщина-хамелеон, которая выглядит строгой и сильной, способной изменять не только свою внешность, но и личность в зависимости от обстоятельств. У соседей, по их словам, она вызывала подозрения, кое-кто даже именовал ее женщиной-призраком.

---

¹⁰ «Эльф Аквитен» («Elf Aquitaine») – бывшая французская нефтегазовая компания, в настоящее время – торговая марка французского же концерна «Тоталь», занимающего по объему добычи нефти и газа четвертое место в мире.

Люси продолжала изучать обстановку. Все просто, никаких излишеств, но вполне современно. Все практично, удобно, но ни на чем нет впечатления индивидуальности. У Кристофа Гамблена при обыске нашли альбом с фотографиями, здесь ничего подобного, никаких признаков, по которым можно было бы связать этих двоих. Пока Дюпре кажется более одинокой и более осторожной.

Время летело быстро. Фотограф и криминалисты, сделав свое дело, уже покинули квартиру. Микаэль Шьё, собрав все, что может оказаться полезным следствию, составлял в блокнотике опись. Папки со счетами, квитанции, запросы на визы – все найденные здесь документы будут доставлены в дом 36 на набережной Орфевр, где их хорошенько изучат. Следствию важно не увлекаться количеством, чтобы не погрязнуть в мелочах, но в принципе ничем нельзя пренебрегать.

– А это? Это, как ты думаешь, стоит взять?

Люси подошла к коллеге. Пусть он работает в другой команде, у офицеров полиции существует солидарность, все равные по званию друг с другом на «ты», все друг друга знают, и все, за редким исключением, друг друга ценят.

– Что – «это»?

– Да вот, нашел у нее под кроватью папку с газетами, ну и просмотрел по-быстрому. Газета – та самая, в которой Дюпре работает, «Высокая трибуна». В каждом номере, похоже, есть по ее статье, но подписаны они псевдонимом «Вероника Д.». На первый взгляд Дюпре интересовали только такие

горячие темы, как дело «Клирстрим»¹¹ или дело о «Медиаторе»¹².

Люси села на корточки, открыла папку, вытащила из нее газеты, – возможно, они прольют свет на профессиональную жизнь Валери Дюпре. Газет оказалось штук сорок – стало быть, не меньше сорока статей, каждая из которых, по-видимому, требовала многих недель расследования под чужим именем.

Энебель пробежала глазами заголовки. Даты шли в обратном порядке, самая свежая газета, с публикацией начала 2011 года, лежала наверху. Насколько можно было уви-

---

¹¹ В январе 2009 года Парижский суд вынес оправдательный приговор по так называемому делу «Клирстрим». Бывшего премьер-министра Доминика де Вильпена обвиняли в заговоре против тогдашнего министра внутренних дел, а потом – президента Франции Никола Саркози, с целью ослабить предвыборные позиции своего главного политического конкурента – оба политика стремились занять после ухода Жака Ширака президентское кресло. Пятилетнее расследование показало, что Доминик де Вильпен не мог знать о фальшивом происхождении компрометирующих списков, в которых фигурировал Никола Саркози, и Саркози, который выступал в качестве истца, отказался подавать апелляцию.

¹² В 1976 году знаменитая французская «Лаборатория Сервье» запустила в производство препарат «Медиатор» («Médiator»), который поначалу прописывали страдающим от излишнего веса диабетикам, но довольно скоро стали прописывать любым пациентам с избыточным весом. За 30-летнюю историю во Франции было продано 5 миллионов упаковок. По официальным данным за 2012 год, когда начались судебные слушания, препарат стал причиной смерти 1320 человек (по другим оценкам, более 2000) и вызвал необратимые проблемы со здоровьем еще у трех с половиной тысяч. 90-летний основатель фармацевтического гиганта миллионер Жак Сервье был обвинен в обмане потребителей, мошенничестве и убийстве.

деть при беглом просмотре, журналистские расследования Валери Дюпре в большинстве случаев касались политики, промышленности и окружающей среды: ветроэнергетики, генетически модифицированных организмов, биогенетики, всякого рода загрязнений, фарминдустрии, «черных приливов»...¹³ Горячие темы... журналистка, должно быть, нажила немало врагов в высших сферах, занимаясь ими.

Люси на всякий случай поискала в папке номера, имеющие хоть какое-то отношение к тем, которые унес из архива Кристоф Гамблен. Нет, ничего похожего. Самый старый здесь номер вышел в 2006-м – ага, значит, в том году, когда Валери стала работать в «Высокой трибуне», вспомнила Люси. И тут ее внимание привлекла засунутая между другими газета, непохожая на остальные: «Фигаро», дата выпуска – 17 ноября 2011 года, то есть несколько недель назад. Интересно, зачем было прятать под кровать газету-конкурента?

Открыв «Фигаро», чтобы глянуть, вдруг там не хватает страниц или какая-то статья выделена журналисткой, Энебель обнаружила приклеенную ко второй полосе розовую бумажку для заметок, на которой было написано: «654 слева, 323 справа, 145 слева». Совсем уж непонятно, мимо такого не пройдешь! Нет, газеты тут оставлять нельзя.

– Конечно, придется попахать, ну да ладно, забираем все, всю эту кучу...

---

¹³ «Черный прилив» – нефтяной разлив, распространившийся до побережья.

Нагруженные плодами обыска – тремя битком набитыми бумагой коробками, – двое полицейских тяжело поднимались по ста пятидесяти ступенькам, которые вели на четвертый этаж дома 36 по набережной Орфевр – именно там размещалась Уголовная полиция, где оба работали. Люси начала мечтать о том, чтобы ступить на эти старые доски и пробежаться по этим узким коридорам, по тускло освещенному верхнему этажу под самой крышей задолго до того, как началась ее карьера: лет, наверное, в девятнадцать... Дом 36 по набережной Орфевр для любого французского полицейского – легенда, место, где одно за другим расследуются самые серьезные преступления. А пришла сюда Энебель – по протекции Шарко и, главное, бывшего шефа уголовки – всего полтора года назад. Она, лильская девчонка, лейтенант полиции родом из Дюнкерка... И теперь она уже понимала, что, работая в доме 36 двадцать четыре часа в сутки, день за днем и ночь за ночью, забываешь, какая аура у этих мест, видишь перед собой только горстку отважных мужчин и женщин, которые взвалили на себя долг сражаться с гнилью, распространяющейся по городу, теперь слишком для них большому. Никаких мифов.

Микаэль Шьё, весь в поту, поставил наконец две огромные коробки на стол в большой комнате команды Белланже, а Люси, стиснув зубы, чтобы не застонать, плюхнулась на стул и принялась вертеть туда-сюда двумя руками правую ступню. Когда стало полегче, огляделась и поняла, что Ми-

каэль ушел и теперь она здесь одна с лейтенантом Паскалем Робийяром, которого, впрочем, словно и нет, настолько он увяз в своих списках, квитанциях и счетах.

Комната у них просторная и уютная. За Белланже и Шарко – законных первого и второго номера в группе – закреплено право на место у окна с видом на Сену и Новый мост; столы Люси, Робийяра и Леваллуа поставлены ближе к двери в коридор. Чего только не встретишь в этом кабинете с явным преобладанием мужского населения! Планы Парижа, постеры с мотоциклами или девицами, шкафы, переполненные делами, находящимися в производстве или закрытыми, даже телевизор. Ребята проводят здесь зачастую больше времени, чем дома...

Паскаль Робийяр поднял голову и посмотрел на Люси, взгляд был более чем выразителен.

– Неужели еще и это надо просматривать?

– Боюсь, да. Там есть запросы на визу, ими хорошо бы заняться в первую очередь...

Робийяр вздохнул:

– Все хотят, чтобы я все делал в первую очередь! А я думаю, что лично мне в первую очередь необходима чашечка крепкого кофе, да и тебе, наверное, кофеек не помешает. Пойдешь со мной?

– Давай тогда побыстрее. Через полчаса аутопсия.

– Тебе в этот раз выпало, да?

– Не было выбора.

Обязательная для этих мест кофеварка стояла дальше по коридору – в крошечной мансарде, которая служила кухней. Здесь мужчины, офицеры Уголовной полиции, встречались, чтобы расслабиться, поболтать, пошутить, обсудить новости по текущим делам. Люси тянул за собой «в кофейню» едва ли не каждый: поговорить с женщиной, да еще и с хорошенькой, не только приятно, но и полезно – это придает команде бодрости.

Мускулистый Паскаль Робийяр бросил несколько монеток в стоявшую на столике чашку, взял две капсулы и сунул одну в машину.

– Мне тут передали четыре газеты, копии унесенных жертвой из архива, времени изучить их как следует пока не нашлось, но кое-что для тебя интересное я все-таки обнаружил.

Робийяр «на земле»¹⁴ не работал. Женатый, с тремя детьми, он предпочитал тишину и безопасность кабинета, где можно вволю покопаться в личной жизни жертвы, его связях, а утомившись – сделать гимнастику. Нюх у него был что надо, и, не мудрствуя лукаво, коллеги прозвали его Легавым.

– Поскольку все эти газеты связаны только с регионами Рона—Альпы и Прованс—Альпы—Лазурный Берег, я подумал: «Мало ли...» – решил проглядеть телефонные сче-

---

¹⁴ Работой «на земле» полицейские всего мира называют работу оперативников.

та Кристофа Гамблена, поискать там код «ноль четыре» – и угадай, что обнаружил?

Люси взяла свою чашку крепчайшего кофе – сегодня лучше было обойтись без сахара, молока или сливок: ночь обещала быть долгой и трудной, так что лучше залить в кровь порцию чистого кофеина. Еще она, подсыпав, в свою очередь, монет в чашку, сгрызла несколько шоколадных печенюшек.

– Говори давай!

– Значит, обнаружил я этот код в одном из счетов за ноябрь. Наш заледенелый клиент, еще не будучи заледенелым, однажды туда звонил – если точно, то двадцать первого ноября.

– В какой город?

– В Гренобль. Я набрал этот номер – и попал в местный Институт судебной медицины. Переговорив с тем, другим, третьим, добрался в конце концов до некоего Люка Мартеля, одного из гренобльских судмедэкспертов, и выяснилось, что этот самый Луи отлично помнит нашу жертву. Гамблен приезжал к трупологу¹⁵, чтобы расспросить о старом деле – деле об утоплении в горном озере.

Люси сполоснула под краном чашку, вытерла ее, посмотрела на часы. Времени оставалось всего ничего.

– Дай-ка мне номер этого судмедэксперта.

---

¹⁵ *Труполог, судебник* – судебно-медицинский эксперт на полицейском жаргоне.

Робийяр тоже допил кофе и достал из кармана уже пожеванную палочку лакрицы.

– Не бери в голову. Я успел натравить на него нашего судебногоника, коллега из Гренобля должен был объяснить ему все в подробностях и прислать факсом протокол вскрытия утопленницы. Так что сегодня ты на Рапе, скорее всего, убьешь сразу двух зайцев.

– Ага, два трупа по цене одного, лучше не придумаешь!

– У меня есть еще одна новость для тебя, и вот она-то – просто конфетка! Это дело об утоплении в горном озере датировано февралем две тысячи первого года.

Люси осенило:

– Как одна из газет, взятых жертвой в архиве, – да?

– Вот именно. Ну, я и стал смотреть дальше. Информация об утоплении была там опубликована в хронике происшествий.

– Паскаль, ты гений! А эти электронные версии газет, ты...

– Распечатал в нескольких экземплярах, они у меня на столе. Хорошо бы ты хоть бегло просмотрела три остальные газеты: нет ли какой связи, чего-то общего... У меня и без того работы выше крыши.

– Ладно. Слушай, а это слово, которое жертва нацарапала на льду, – то ли «ACONLA», то ли «AGONIA» – насчет него...

– Нет, тут все глухо. Я позвонил в маркетинговое агент-

ство с названием «Agonia», но там и слыхом не слыхали ни о каком Кристофе Гамблене. Да и по счетам журналиста видно, что он с ними не связывался. Если у кого-нибудь из наших найдутся на это силы, можно прочесть книжку и посмотреть фильм с тем же названием, но, откровенно говоря, я сильно сомневаюсь, что здесь хоть какая-то связь обнаружится. А вот в чем у меня ни малейших сомнений, так это в том, что дело нам дали – первый сорт. За десять дней до Рождества – самое оно, чтоб никакого тебе семейного отдыха...

– Кому ты это говоришь!

Люси помахала Робийяру рукой и направилась к выходу, ее коллега остался наедине со своей лакрицей. Чуть подволакивая ногу, Энебель вошла в комнату своей группы, взяла неведомо как затесавшийся в папку Дюпре номер «Фигаро», четыре распечатки «Высокой трибуны» и стала медленно спускаться по лестнице. Место, куда ей надо было сейчас, Парижский институт судебной медицины, она ненавидела больше всего на свете и была уверена, что, стоит ей там оказаться, непременно нахлынут мучительные переживания, связанные с гибелью ее девочек.

Нескончаемый поток машин на магистрали А86 пока не давал сыпавшему без передышки снегу возможности покрыть асфальт, но чертовски затруднял движение, поэтому Шарко потратил на несчастные пятнадцать километров, которые отделяли центр Парижа от межмуниципальной больницы в Кретее, целый час с четвертью. С дороги он связался со старшим инспектором полиции Мезон-Альфора и узнал, что тот тоже собирается прийти в педиатрическое отделение, поскольку взлом квартиры одной из четырех Валери Дюпре числился и в его реестре.

Встретились они в холле больницы. Патрик Тремор, как и Шарко, был в штатском, но одевался куда как более свободно: джинсы, горчичного цвета свитер с высоким воротником, кожаная куртка. Голос у него был низкий, кулаки крепкие. Парижанину показалось, что они ровесники, – Патрику тоже где-то в районе пятидесяти. Познакомившись и обменявшись обычными приветствиями, полицейские стали подниматься на второй этаж, и Шарко решил не тянуть резину:

– Что-нибудь уже удалось выяснить?

– Пока ничего особенно интересного... Мы обошли все дома по соседству с тем, в подвале которого был найден мальчик, – никто ребенка этого не знает. Та же картина в приютах и других заведениях, которые занимаются социаль-

ной помощью. На одежде найденыша нет этикеток. Ни одного заявления о пропаже детей никуда не поступило. Мы сейчас разошлем его фотографию во все местные комиссариаты и жандармерии, а если понадобится, то и в более отдаленные. По словам врачей, на правом запястье пациента есть характерные следы – такие оставляет тесный стальной браслет, если пытаешься от него освободиться.

– Думаете, мальчик был прикован?

– Очень может быть.

Шарко старался выглядеть невозмутимым, бесстрастным, но на душе его было тревожно. Дело о похищении ребенка или о жестоком обращении... Вернейший способ растравить раны Люси... Как он станет рассказывать ей о своей поездке в больницу – она же обязательно спросит об этом вечером... Стоп, нельзя отвлекаться на посторонние мысли! Комиссар вернулся к разговору с коллегой:

– Нам нужен клочок бумаги, который вы нашли в кармане мальчика. Нужен для графологической экспертизы. Очень может случиться, что слова были написаны самой Дюпре.

– Разумеется, но... Прямо перед тем, как с вами встретиться, я узнал, что следователь по вашему делу уже связался с прокурором Кретея. Мне показалось или Уголовная полиция действительно хочет забрать у нас это дело?

– Я не в курсе, и мне совершенно неизвестны желания следователей, как, впрочем, и моих собственных начальников. К тому же сами мы завалены работой, так что помощь извне

была бы очень кстати, – ну и зачем им, в таком случае, это делать?

– Пресса, да и все СМИ... Уголовка предпочитает оставлять за собой громкие дела...

– Лично мне наплевать на прессу и на СМИ! И я здесь не для того, чтобы обсуждать клановые войны, а для того, чтобы попытаться понять, что произошло. Надеюсь, и у вас та же задача.

Старшему инспектору, казалось, такой ответ очень понравился. Он кивнул, достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и протянул его Шарко:

– Пока нет под рукой оригинала – вот копия...

Франк взял у коллеги листок, остановился и развернул: «Валери Дюпре, 75, Франция». Почерк неровный, буквы словно дрожат. Явно человек писал наспех, в плохих условиях. А зачем тут слово «Франция»? Допустим, написала это Дюпре, так значит, они с ребенком были тогда за границей? Шарко показал на скопировавшиеся вместе с записью пятна:

– Черные следы – это...

– Какая-то грязь, то ли земля, то ли пыль, смешанная с кровью, – так считают в нашей лаборатории. Пока еще нельзя сказать, мальчика ли это кровь, но, скорее всего, нет. Там на обороте есть нечто вроде отпечатка окровавленного пальца, и для детского пальца этот отпечаток слишком велик. Надо бы проверить, не принадлежит ли он вашей Валери Дюпре.

Шарко попытался вообразить, какие события могли привести к такому результату. Возможно, в ходе расследования журналистка помогла ребенку сбежать оттуда, где его держали насильно, была при этом ранена, а когда ей пришлось с мальчиком расстаться, сунула ему в карман бумажку. Но удалось ли бежать ей самой? Если да, то где она сейчас и почему не объявляется?

Он молча рассматривал черные пятна, и ему представлялся худший из вариантов эпилога. Криминалисты быстро разберутся, принадлежат ли кровавые следы Валери Дюпре: клетки биоматериала, взятого из ее квартиры, – волос на расческе, слюны на зубной щетке, чешуек кожи на одежде – сравнят с клетками крови, которые специалист осторожно снимет с бумаги, и если ДНК в обоих случаях окажется одна и та же, вот и ответ...

– Теперь ваша очередь делиться информацией, – нарушил ход размышлений спутника Тремор.

Они снова стали медленно подниматься по лестнице. Шарко рассказал все, что было ему известно: о журналисте, найденном мертвым в морозильной камере, а перед тем подвергнутом пыткам. О поисках в архиве редакции «Высокой трибуны». О том, что в связи с исчезновением коллеги жертвы, Валери Дюпре, был произведен обыск в ее квартире и оказалось, что квартира была взломана. Тремор внимательно слушал, ему нравились бесхитростность и добросовестность собеседника.

– А что вы вообще думаете о деле, с которым мы столкнулись?

– У меня впечатление, что оно будет долгим и очень сложным...

В отделении, где лежал безымянный пациент, они нашли его лечащего врача, доктора Тренти, и тот проводил полицейских в отдельную палату, куда поместили маленького пациента. Тот спал – с иглой капельницы в руке, присоединенный трубками и проводками к каким-то приборам с мониторами. Волосы у мальчика были светлые, скулы высокие и выдающиеся, весил он явно немного.

– Нам пришлось дать ребенку снотворное, – объяснил доктор, – потому что он не давал поставить капельницу с глюкозой, он вообще не выносит вида иглы. Мальчик сильно запуган, любое незнакомое лицо вызывает у него ужас. Он обезвожен, истощен, у него гипогликемия, восстановлением баланса мы сейчас и занимаемся.

Шарко подошел. Малыш, похоже, мирно спал.

– Что показали анализы?

– Пока мы сделали только стандартный набор: клинический анализ крови с формулой и подсчетом кровяных телец, ионограмму, то есть исследование крови на содержание в ней калия, магния, кальция, фосфора, хлора и железа, общий – мочи... На первый взгляд ничего особенного, разве что альбумины¹⁶ выше нормы, что говорит о дисфункции по-

---

¹⁶ Повышение концентрации альбуминов, одной из фракций общего белка, в

чек, да и все. Ребенка не подвергали сексуальному насилию, и, если бы не этот странный след на запястье, никаких признаков жестокого обращения. А вот не связанные с возможным преступлением вещи настораживают: проблемы со здоровьем явно не соответствуют возрасту нашего пациента. У него, как только что сказано, повышенное содержание альбуминов, очень высокое давление и сердечная аритмия. Сейчас на мониторе все в порядке, около шестидесяти ударов в минуту, но...

Врач достал из пластикового конверта, подвешенного к спинке кровати, кардиограмму и показал ее полицейским:

– Вот посмотрите: здесь частота сердечных сокращений без видимых причин то резко возрастает, то снижается. Был бы парнишка лет на сорок постарше – сказал бы, что лучшего кандидата на сердечный приступ не найти!

Шарко взглянул на кардиограмму, потом снова на ребенка. Такой красивый мальчик, ему всего-то лет десять, никак не больше, и уже настолько большое сердце.

– А вы раньше встречались с подобной патологией?

– Конечно такое случается, и тому может быть много причин: врожденная кардиопатия, аномалия коронарных артерий, стеноз аорты... наверное, хватит перечислять? Нам придется с ним повозиться... Да, вот еще что необычно: у

крови может быть обусловлено несколькими причинами: обезвоживанием (потерей жидкости при рвоте, поносе, обильном потении), обширными ожогами или приемом витамина А в высоких дозах.

этого ребенка – признаки начинающейся катаракты, хрусталик слегка помутнел.

– Катаракты? А разве это не стариковская болезнь?

– Не всегда стариковская. Есть несколько причин, в связи с которыми катаракту можно наблюдать даже у совсем маленьких детей; одна из таких причин – наследственность. Думаю, здесь именно тот случай, и операция достаточно проста.

– Но при этом ребенка не прооперировали... Сердечная аритмия, катаракта, дисфункция почек – как по-вашему, чем все это может быть вызвано?

– Пока трудно сказать: еще и четырех часов не прошло с тех пор, как мальчика доставили в наше отделение. Одно ясно: ребенок далеко не здоров. Как только он проснется, надеюсь провести ряд дополнительных исследований, в том числе сканирование мозга. Мы покажем мальчика кардиологу, гастроэнтерологу, офтальмологу: специалисты уточнят диагноз и разберутся в причинах патологии – каждый в своей области. А что касается крови, то кровь мы собираемся дать на проверку токсикологам: нет ли в ней, случайно, каких-то токсинов?

– Вы пытались разговаривать вашего пациента?

– Да, наш больничный психолог пытался, но малыш так испуган и так устал, что попытка не увенчалась успехом. Сначала надо его успокоить, убедить, что теперь с ним не случится ничего плохого... Правда, и тут есть проблема: мы

совсем не уверены, что он нас понимает.

Сунув руки в карманы халата, врач обошел кровать и, встав с другой стороны, предложил полицейским подойти ближе.

– Я связался с социальными службами, – добавил он к сказанному. – Специалист из отдела помощи детям придет завтра. Им в любом случае надо будет заняться ребенком, как только мы его выпишем.

Тренти приподнял одеяло, и открылась грудь мальчика – со странной татуировкой, шириной сантиметра три-четыре, на уровне сердца: нечто вроде дерева с шестью извилистыми ветвями, исходящими от вершины кривого ствола наподобие лучей. Ниже, под «деревом», подпись – совсем мелко: «1400». Только цифра, больше ничего. Сама татуировка – монохромная, черная на бледной коже – свидетельствовала об отсутствии у художника какого бы то ни было таланта и больше всего напоминала грубые рисунки, выполненные арестантами с помощью иглы, кончик которой окунают в чернила: здесь тоже явно использовались подручные средства.

– Это о чем-то вам говорит? – спросил врач.

Шарко обменялся с коллегой тревожными взглядами, наклонился и всмотрелся в татуировку. Чего он только не выдвигал за то время, что работает, но сейчас даже и не пытался представить себе чудовище, способное сделать подобное с ребенком! Просто он знал, что такие чудовища на свете су-

шествуют и надо их отлавливать, чтобы не вредили людям.

– Нет... Это похоже на что-то... что-то вроде символа, условного знака.

Тренти кончиком указательного пальца провел по краям рисунка¹⁷:

– Посмотрите сюда. Тут, в некоторых местах, следы заживших шрамов, едва заметные, но разглядеть можно. Похоже, татуировку сделали недавно, я бы сказал, неделю или две назад.

Капитан Трemor нервно крутил на пальце обручальное кольцо, по дороге в больницу он продрог, и лицо его на холоде стало более жестким.

– Можете прислать мне фотографию этой татуировки?

Врач еще не успел ответить, а Шарко уже достал мобильник и сделал камерой крупный план символа вместе с цифрами подписи. Из какого же ада вырвался этот измученный ребенок, заклеянный, как животное?

Трemor поглядел парижанину в глаза и растянул губы в подобии улыбки:

– Вы правы. Станем действовать самым простым и эффективным способом.

Он тоже достал сотовый и сфотографировал грудь ребенка. В ту минуту, как комиссар убирал телефон, тот завибри-

---

¹⁷ Я дописал роман до этого места в день, который приобрел потом чрезвычайное значение. Вы поймете, о чем идет речь, из послесловия, но все-таки лучше к нему не обращаться, пока не будет прочитана вся книга. – *Примеч. авт.*

ровал. Никола Белланже...

– Простите, – сказал Шарко, вышел в коридор и, оставшись в одиночестве, откликнулся на вызов: – Франк Шарко, слушаю.

– Это Никола. Ну что там с мальчонкой?

Полицейский вкратце рассказал обо всем, что удалось узнать в больнице, они еще немножко поговорили о деле, потом Белланже, откашлявшись, произнес:

– Знаешь... Вообще-то, я звоню по другому поводу... Тебе надо как можно скорее вернуться на Орфевр...

Шарко показалось, что тон у начальника преувеличенно серьезен и что этой преувеличенной серьезностью Никола прикрывает смущение. Он встал перед окном и уставился на огни города.

– Мне отсюда ближе домой, чем на работу, метеоусловия, сам видишь, хуже некуда, и я рассчитывал из больницы вернуться прямо к себе. Дороги сегодня такие – не проедешь... Что у вас там случилось-то?

– Не телефонный разговор.

– И все-таки попробуй. Я добирался с работы в Мезон-Альфоре больше часа и не хочу еще одного такого же путешествия.

– Ладно, скажу. Со мной связалась жандармерия какой-то бретонской дыры, в пятистах километрах отсюда. Дескать, неделю назад посреди ночи была взломана дверь местного зала торжеств, и взломщик написал там на стене следующее:

«Бессмертных не бывает. Душа – это навсегда. Она ждет тебя там». Надпись сделана кровью с помощью то ли щепки, то ли чего-то в этом роде.

– А какое отношение это все имеет к нашему делу?

– Текст, на первый взгляд, никакого. Зато сама надпись точно имеет отношение к тебе.

Шарко закрыл глаза, пощипал себя за нос, лицо его отяжелело.

– Никола, я повешу трубку, если ты в течение пяти секунд не объяснишь мне, о чем речь! При чем тут я?

– Как раз к этому перехожу. Жандармы весьма серьезно отнеслись к этому событию – настолько, что взяли со стены образец крови и отослали его в лабораторию. Были сделаны анализы, включая анализ ДНК. Кровь оказалась человеческой. Тогда они отправили генетический отпечаток в НАКГО¹⁸, предположив, что преступник мог оказаться достаточно глупым для того, чтобы сделать надпись собственной кровью. Отпечаток совпал с одним из зарегистрированных в картотеке.

Белланже замолчал. Шарко ощутил, что сердце забилося сильнее, словно уже догадавшись, что сейчас скажет руководитель группы.

– Это твоя кровь, Франк.

---

¹⁸ Перевод аббревиатуры FNAEG – Национальная автоматизированная картотека генетических отпечатков.

«Высокая трибуна», номер от 8 февраля 2001 года, издание филиала газеты в регионе Рона—Альпы.

По сведениям, полученным из жандармерии Монферра, вчера утром там было обнаружено тело женщины примерно тридцати лет. Труп нашли на рассвете в той части горного озера Паладриу, которая замерзла, у деревни Шаравин, это в пятидесяти километрах от бальнеологического курорта Экс-ле-Бен. Служителей правопорядка вызвал один из местных жителей, наткнувшийся на мертвое тело во время утренней прогулки. Женщина была полностью одета, документы оказались при ней. Причины смерти определит вскрытие, порученное Институту судебно-медицинской экспертизы Гренобля. Но что это? Несчастный случай или преступление? Ко второй версии заставляет склониться то, что автомобиль жертвы вблизи от места трагедии пока не найден, тут любой невольно задастся вопросом: что же понадобилось этой женщине в такой холод на краю озера с обрывистыми берегами? Тем более что здесь уже было зарегистрировано несколько несчастных случаев.

Оливье Т.

Люси думала об ужасном происшествии, о котором только что прочитала в машине.

Смерть от утопления посреди зимы... Гипотеза об уголовном преступлении. Почему Кристофа Гамблена так заинтересовала эта заметка десятилетней давности? Было ли закончено дело? Чем? А в трех остальных газетах, взятых журналом из архива, тоже нечто подобное? Люси еще не успела туда заглянуть, она и так опаздывала на десять минут, но отныне ее терзало одно желание – разобраться, почему Кристоф Гамблен проводил время в подвале «Высокой трибуны» и даже брал ради этого отгулы.

Она на несколько секунд задержалась у мастодонта из красного кирпича напротив Аустерлицкого вокзала, по ту сторону Сены, и подумала со страхом: «Дом мертвых», куда людей, которые еще совсем недавно были живыми, привозят, чтобы разрезать на куски... Слева, из метро, выходили тени. Станция «Набережная Рапе». Указатели: там – площадь Италии, там – Бастилии, привлекательные для туристов места... А подозревают ли эти гуляющие или идущие с работы люди, что самые ужасные преступления самым внимательным образом расследуют в двух шагах отсюда, вон в том, затерявшемся в городском пейзаже, здании?

Люси поежилась. Белые хлопья скапливались на ее куртке, на крышах машин и домов. Казалось, будто время остановилось и обычный для столицы гул заглушили снежные завалы... При тусклом свете фонарей лейтенант полиции Энебель чувствовала себя так, словно ее заманили в декорации фильм-нуар.

Она собралась с духом, открыла дверь Парижского института судебной медицины, вошла. Ночной охранник проверил ее бумаги и сказал, в каком зале будет производиться аутопсия Кристофа Гамблена. Набрав в грудь побольше воздуха и стараясь шагать побыстрее, Люси углубилась в бесконечные коридоры, освещенные неоновыми лампочками. В голове ее уже зароились образы один страшнее другого. Она видела маленькие, такие маленькие сожженные тела, она ощущала запах горелой плоти, до того кошмарный, что не описать никакими словами. Призраки гнались за ней, детские голоса, голоса девочек, преследовали ее в этих стенах особенно назойливо и окунали в липкий ужас. Не надо было, не надо было ей тогда присутствовать на вскрытии одной из близняшек! В том, что она почувствовала и пережила в тот день, не оставалось ничего человеческого.

Сейчас бы вернуться, но нельзя даже подумать о том, чтобы уйти с полдороги, и Люси еще ускорила шаг: уж лучше оказаться в прозекторской побыстрее! Ей стало чуть-чуть спокойнее при ярком свете хирургических ламп, рядом с Полем Шене и фотографом из уголовки, только все равно приходилось смотреть на труп... он совсем голый, совершенно белый там, на столе, и каждая рана, каждый синяк напоминают об аде, через который пришлось пройти жертве.

– Нехорошо, что ты здесь, Люси, – покачал головой Шене. – Думаю, Франк об этом не знает?

– Правильно думаешь.

– Потому что ведь даже полтора года спустя возможен перенос, ты...

– Я ко всему готова, и никакого переноса не случится. Тело Гамблена не имеет ничего общего с другими... с телами девятилетних малышей... Я смогу, я выдержу, ты же понимаешь?

Шене задумчиво потеревил свою коротко подстриженную бородку:

– Да. Ну ладно... Я его уже измерил, взвесил, сделал рентгеновские снимки. Первые фотографии тоже сделаны. Чтобы выиграть время, я и внешний осмотр уже провел: сегодня в десять вечера по ящику концерт Мадонны, и...

– И к каким выводам ты пришел?

Шене подошел к «клиенту», отныне находящемуся только в его власти. Люси вспомнился паук, который опутывает свою жертву паутиной, прежде чем «поместить на склад». Она тихонько вздохнула и тоже приблизилась к столу. До чего же трудно выносить взгляд уже остекленевших глаз покойника...

– Надрезы были сделаны тонким лезвием... – Поль взял в руки скальпель, – вроде этого, очень тонким и очень острым. Исхожу из того, что оружие прошло сквозь одежду как сквозь масло: края в местах, где острие проникало в ткань, не разлохматились. Надрезы зарубцевались по-разному. Сначала он резал руки, потом перешел к животу и ногам. Тридцать

восемь надрезов примерно... да, я сказал бы, примерно за час. Жертва тогда еще была в одежде.

Люси осталась в куртке – в прозекторской слишком холодно, чтобы можно было раздеться, да и откуда тут взяться хотя бы крохам тепла. Скрестив руки, она судорожно впи- лась пальцами в нейлон. Убийца истязал жертву, прежде чем сунуть ее в морозильник.

– Вот сукин сын.

Поль Шене переглянулся с фотографом и кашлянул:

– На коже лодыжек и запястий много повреждений: парня связали, он пытался освободиться, но ничего не вышло.

– Сексуальное насилие?

– Никаких следов.

Люси потеряла себе плечи. Говнюк, который покалечил Кристофа Гамблена, хоть от этого кошмара его избавил.

– Пытал, потом заморозил?

– Похоже, да. Ни одна из ран, нанесенных скальпелем, не была смертельной.

– То есть убийца не паниковал и не действовал в состоя- нии аффекта.

– В любом случае надрезы недостаточно глубоки, что- бы жертва могла потерять много крови. Тебе наверняка ко- гда-нибудь случалось порезать палец о лист бумаги: ужасно больно, но крови почти нет – так и тут.

Люси делала длинные паузы между вопросами. Она глаз не могла оторвать от израненных пальцев жертвы. Кристоф

Гамблен царапал ногтями лед до крови. Кристоф Гамблен не хотел умирать, он хотел вырваться из стиснувших его ледяных стен. Но не смог.

– Как ты считаешь, убийца хоть сколько-то петрил в анатомии?

– Трудно сказать. Такое мог сотворить кто угодно. Он делал все это... – Поль щелкнул пальцами, – просто ради того, чтобы причинить боль.

– А что ты думаешь о времени смерти?

– Я изучил графики температуры и характеристики морозильной камеры. Думаю, смерть наступила где-то к полуночи, плюс-минус два часа.

Шене продолжал готовить инструменты:

– После вскрытия нам нужно будет поговорить о гребльском деле, досье по которому мне прислали ближе к вечеру. А ты-то в курсе?

Люси вспомнила хронику происшествий, которую читала в машине и которая так ее взволновала:

– Паскаль Робийяр в двух словах пересказал мне историю с утопленницей из горного озера. Я здесь еще и поэтому.

Поль крепко завязал на спине синий форменный халат и встал по другую сторону стола, на котором лежал труп. Лицо судмедэксперта было серьезным.

– Тебе лучше чуть отодвинуться, Люси, я сейчас сделаю разрез и вскрыю тело...

– Да ради бога! Все будет в порядке.

Патологоанатом взялся за работу. Маску он не надевал. Люси знала: однажды Поль Шене догадался, что жертва наглоталась рома, только по запаху, исходившему от вскрытого им желудка. Почувствовав, что ноги стали держать хуже, она все-таки отступила на несколько шагов. Первую стадию аутопсии – когда с лица снимают кожу, чтобы получить доступ к черепу, а затем и к мозгу, – наблюдателю особенно трудно выдержать. Потому что, во-первых, тут подключается пила и брызжет кровь вперемешку с осколками костей, а во-вторых и в-главных, у мертвого человека отбирают то, что в нем еще оставалось человеческого: глаза, нос, рот.

Шене действовал строго по инструкции, а фотограф без передышки снимал: отпечатки можно будет использовать, например, в суде вместе с заключением судмедэксперта. Вскрытие черепа и извлечение головного мозга, разрез кожи от подбородка до лобка, чтобы получить доступ к грудной и брюшной полости, изъятие из глазных яблок стекловидного тела... К концу первого часа аутопсии все органы жертвы были взвешены и внимательно изучены под лампой. Не только затем, чтобы выявить наличие повреждений, – внешний вид органа и особенно окраска могут показать, имело ли место отравление: если ткани малиново-красные – углеродом, если алые – цианидами... Бурые и красноватые жидкости стекали со стола из нержавеющей стали в расположенный под ним слив. Точными, до миллиметра выверенными движениями патологоанатом вскрыл желудок и стал иссле-

довать содержимое. Взял пробы и поместил их в две специальные пробирки, каждую из которых аккуратно надписал. Затем перешел к мочевому пузырю и здесь тоже взял пробы.

– В пузыре полно мочи. Сильное охлаждение, должно быть, помешало ему облегчиться. Все это пойдет к токсикологам.

Люси провела рукой по лицу. Запахов она больше не чувствовала: ее обонятельные клетки пресытились, – но ощущала, что выпотрошенное тело, разложенное перед ней на столе, не превратилось в кучу требухи, что это человек и что он кричит о своей боли, муках, бессилии. Она подумала о родителях Гамблена. Наверное, новость им уже известна, наверное, они еще не пришли в себя. Их мир никогда больше не будет таким, как был. Она попыталась представить себе лица, реакции этих незнакомых ей людей. Был ли Кристоф их единственным сыном? Общался ли он с родителями?

Люси почувствовала, как перемещается во времени и пространстве. В прозекторской внезапно смерклось, и Энебель оказалась за ее пределами. Услышала, как стучат в двери ее квартиры... Ночью... Увидела, как загорается свет в темных комнатах – далеко, очень далеко от нее... Маленькое сожженное тельце, только ножки остались нетронутыми – наверное, были чем-то защищены от огня...

От света хирургической лампы стало больно глазам. Люси вдруг развернулась, кинулась к двери, толкнула, шатаясь, выбежала в коридор. Ее вырвало, и она соскользнула по сте-

не, зажав голову руками. Все вокруг кружилось.

Чуть позже подошел Шене:

– Может, пойдешь приляжешь?

Люси покачала головой. Во рту было скверно, на глазах выступили слезы, она с трудом поднялась:

– Прости, со мной сроду такого не случилось, я думала, что...

Она замолчала. Шене взял ее под руку и, поддерживая, повел по коридору.

– Сейчас все уберу. Не переживай: дело просто в небольшом раздражении окончаний блуждающего нерва. Я закончу вскрытие без тебя, а им скажем, что ты оставалась до конца. Можешь сейчас пойти в мой кабинет, он на втором этаже, – отдохнешь в кресле. Все пробы для токсикологов я принесу тебе туда.

Люси отказалась:

– Нет, не хочу. Ты должен рассказать мне о гренобльском досье, надо...

– Ладно, увидимся в кабинете через час. Чтобы слушать то, что я тебе расскажу, нужны ясные мозги...

Поль повернулся и ушел в прозекторскую. Дверь за ним уже захлопнулась, но голос еще звучал:

– ...потому что история странная. Очень и очень странная.

Запыхавшийся Шарко вихрем ворвался в комнату, где еще сидели за работой Паскаль Робийяр и Никола Белланже. Коридоры дома номер 36 в том крыле, где Уголовная полиция, между тем опустели. Коллеги из других групп большей частью вернулись домой, к семьям, или беседуют с приятелями за стаканчиком в каком-нибудь столичном баре.

Белланже, заметив Франка, встал, сунул под мышку ноутбук, и они вместе отправились в свободный кабинет. Никола зажег свет, поставил компьютер на стол и, открыв крышку, включил.

– Жандармы из Плёбьяна прислали мне мейлом фотографии местного зала для празднеств. Смотри.

Шарко, ухватившись за спинку стула, уставился на монитор, но почти сразу же ему пришлось сесть: ноги не держали. Снежинки на его седеющих волосах и на плечах его черного плаща еще не растаяли.

– Ты сказал «Плёбьян»? Точно – Плёбьян? Тот, что в Бретани?

– Да, Плёбьян в Бретани. А что, ты его знаешь?

– Это... это город, где родилась моя жена... Сюзанна...

Теперь Франк смотрел в пол, и длилось это довольно долго. Сколько лет он не произносил названия этого крохотного городка в Кот-д'Армор? На него мгновенно нахлынули

странные воспоминания. Запахи гортензий, разогретого сахара, перезрелых яблок... Он увидел, как Сюзанна, смеясь, кружится под кельтскую музыку... Шарко казалось, что это забыто навсегда, но вот поди ж ты – вот оно все, вот оно – отпечатавшееся где-то глубоко в мозгу.

– Это он... – выдохнул комиссар.

Белланже сел напротив подчиненного. Как и все, он знал об ужасном прошлом Шарко, жену которого девять лет назад похитил серийный убийца. Франк, найдя ее, хладнокровно уничтожил преступника, но несчастная молодая женщина от пережитого потеряла рассудок, а в конце 2004 года погибла вместе с маленькой дочкой: их обеих сбила машина на повороте шоссе. Шарко рухнул тогда на дно пропасти и по-настоящему так из нее и не выбрался.

– Кто «он»? – спросил Белланже.

– Убийца Фредерика Юро¹⁹.

Капитан полиции попытался понять, куда гнет Шарко. Белланже слышал о деле Юро, которым занимался коллега когда-то в другой группе. В 2001 году суд признал, что Фредерик Юро убил своих дочерей, утопил их в ванне, будучи в состоянии невменяемости, потому не может считаться ответственным за свои действия, и после весьма хаотичного процесса его отправили в психиатрическую больницу, где преступник провел девять лет. Расследование тогда вела команда Шарко, и Франк участвовал в задержании.

---

¹⁹ См. роман Франка Тилье «Проект „Феникс“» («ГАТАЦА»).

Некоторое время спустя после того, как Юро выпустили из лечебницы, его продырявленный отверткой труп был найден в Венсенском лесу, в его же собственной машине. Разбираясь с местом преступления и уликами, криминалисты обнаружили на теле жертвы следы ДНК Шарко.

Комиссар провел по лицу руками и тяжело вздохнул:

– В августе две тысячи десятого на трупе Юро нашли волосок из моей брови, теперь в родном городе Сюзанны – мою кровь. Какому-то психу известно мое прошлое и прошлое моей жены, и он использует мой биологический материал, чтобы впутать меня в свои бредовые действия и обратиться ко мне...

Никола Белланже повернул ноутбук к Шарко, чтобы тому был виден экран, по которому пошли, один за другим, сканы фотографий: взломанная дверь зала для празднеств, кровавые буквы, написанные на белой стене тонкой палочкой...

– Не понимаю! Как он смог раздобыть твою кровь?

Франк встал и подошел к окну, выходящему на бульвар Пале. Он смотрел на тротуар, на редкие машины, отважившиеся двигаться по только что выпавшему снегу... Кто-то явно его преследует, наблюдает за ним, с азартом копается в его жизни.

– А где Люси? – спросил он, внезапно обернувшись.

Белланже стиснул зубы, вид у него стал тоскливый.

– Я отправил ее на аутопсию.

Этого нервы Шарко уже не выдерживали, он заметался по

комнате:

– На вскрытие?! Черт побери, Никола, ты же знаешь...

– Все были заняты, никого не оставалось под рукой. И она меня заверила, что все будет в порядке.

– Еще бы она тебя не заверила! Что ты хочешь, чтобы она сказала? В порядке!

Франк лихорадочно набирал номер подруги. Набрал. Никто не ответил. Он еще больше разнервничался, швырнул мобильник на письменный стол и вернулся к компьютеру:

– Все, о чем мы сейчас говорим, пока ни в коем случае не должно стать известно нашим, а главное – Люси, согласен? Эта история, эти снимки... Я сам с ней поговорю при случае. Даешь слово?

– Зависит от того, что ты сейчас мне расскажешь.

– За последнее время мне сделали несколько анализов крови. Люси не в курсе, что я сдавал кровь.

– Что-то серьезное?

– Нет-нет. Просто хотел убедиться, что со здоровьем все в порядке, что у тела есть еще какой-никакой запас прочности... Стандартный набор исследований, ничего особенного, просто мне не хотелось, чтобы Люси беспокоилась напрасну. Так вот, где-то с месяц назад на медбрата, который брал у меня кровь, напали почти что рядом с нашим домом, около парка Розария. Ему съездили по башке, его обыскали и забрали все, что нашли: деньги, часы, документы. И чемоданчик с пробирками, в которых были взятые им с утра ана-

лизы, в том числе и мои. Думаю, кровь, которой писали на стене зала для празднеств, именно оттуда.

Белланже взвесил в уме услышанное. Если комиссар говорит правду, грабитель, о котором идет речь, совершенно ненормальный.

– А есть словесный портрет того, кто напал на медбрата?

Шарко покачал головой:

– Насколько я знаю – нет. Парень тогда подал заявление в комиссариат Бур-ла-Рен, мне позарез надо выяснить, что они успели накопать. Возможно, у них появились приметы, какие-то версии...

Белланже повел подбородком в сторону монитора:

– Ты что-нибудь понял из его послания? Теперь, когда ты мне все это рассказал, совершенно очевидно, что неизвестный обращался именно к тебе. Совершая свой странный поступок, он точно знал, что жандармы отправят кровь со стены на анализ, а анализ приведет к комиссару Шарко.

Франк наклонился, опираясь обеими руками на стол, посреди его лба вздулась и запульсировала синяя жилка.

– «Бессмертных не бывает. Душа – это навсегда. Она ждет тебя там». Ни черта не понимаю. Кто меня ждет и где?

– Подумай. Ты уверен, что...

– Я же сказал!

Он опустил голову на грудь и принялся мерить шагами комнату, напряженно размышляя, пытаясь разгадать смысл диковинного послания. Не получалось: в таком вздернутом

состоянии это трудно...

Белланже тем временем присоединил ноутбук к принтеру.

– Объясню им, бретонцам, но коротко, без лишней информации, – сказал он. – Ну а что у нас есть, какие зацепки?

Шарко сложил протянутый шефом лист с отпечатком, сунул его в карман, помолчал и ответил:

– Зацепки? Да никаких. Юро был убит в своей машине ударом отвертки, которую так и не нашли. Кроме моей ДНК, не обнаружили ни хоть каких-нибудь биологических следов, ни отпечатков – ничего. Свидетелей тоже не обнаружили. Обыскали все, что можно, допросили проституток, трансвеститов и транссексуалов из Венсеннского леса, соседей Юро – все упиралось в тупик. Из-за этой ДНК у меня был миллион проблем, я чуть не загремел в тюрьму. Никто не хотел мне верить...

– Но согласись, Шарк, все-таки гипотеза, в соответствии с которой некто оставляет волосок из твоей брови на месте преступления исключительно затем, чтобы поставить тебя под удар, довольно нелепа... Ты первым там очутился, ты шарил там, этот волосок вполне мог упасть сам по себе именно тогда... Загрязнить место преступления при осмотре проще простого – такое часто случается, потому-то нас всех и внесли в картотеку...

— А если бы я тогда не вмешался, если бы меня не оказалось в нужном месте в нужное время? Вы бы все равно нашли этот волосок, и мне был бы конец. Этот тип хочет за-

гнать меня в угол. И он нарочно затаился на целый год – чтобы возникнуть в самый канун Рождества!

У Шарко было мерзко на душе: эк его поимели! Волосок, кровь из пробирки... Если неизвестный ходил за ним по пятам, выслеживал все последние месяцы, как он, полицейский, мог не замечать слежки? Насколько хорошо его знает этот призрак? Сейчас ясно: на него нападает бешеный псих, открыто бросает ему вызов. Но кто этот псих? Кто-то, кого он в свое время арестовал, отсидел свой срок и вышел из тюрьмы? Отец, сын или брат заключенного? Один из тысяч безумцев, которыми кишат улицы Парижа? Комиссар уже пытался его найти, рылся в списках вышедших из тюрем, даже в архивах дел, которыми занимался в прошлом. Тщетно. Ни единого следа.

Франк с тревогой подумал о подруге, о своем бесплодии, о ребенке, которого она хочет больше всего на свете, но который, возможно, никогда не появится на свет из-за всей этой грязи, пожирающей их нейроны и доставшей уже до печенок.

– Мы с Люси, наверное, уедем на несколько недель, – сказал Шарко, отчаявшись хоть до чего-нибудь додуматься. – Мне нужно разобраться, перевести дух. Расследование дел о журналисте, погибшем в морозильнике, и его исчезнувшей коллеге обещает затянуться и будет очень трудным. А тут еще и этот психопат, который свалился на меня как снег на голову. Только не хватало сумасшедшего, меня преследующего и мне угрожающего! Нам надо уехать из дома, нам на-

до... – Он прислонился к стене, глядя в потолок. – Не знаю, что делать. Только размечтался о том, чтобы в нынешнем году как следует отпраздновать Рождество – подальше от всех этих мерзостей... Так хотелось пожить как все...

Белланже смотрел на подчиненного без всякой вражды или злобы:

– Не мне бы давать в этом случае советы, но скажу: бегство от проблем – не лучший вариант, это вовсе не способствует их решению.

– Для тебя психопат, который ходит за мной по пятам и знает, где я живу, – просто одна из проблем?

– Вы оба необходимы мне для расследования. Ты лучший из полицейских, мне известных, и самый ненормальный из них. Ты никогда ничего не бросал на полпути, особенно дело, которое только-только началось. Без тебя команда не будет такой, как она есть, как надо. Именно к тебе все прислушиваются. Именно ты у руля. И ты это знаешь.

Франк взял со стола телефон. У него болел затылок, свело мышцы, они стали как каменные. Все этот чертов стресс... Комиссар направился к двери, взялся за ручку, постоял, держась за нее, и в конце концов сказал:

– Спасибо за дифирамбы, но мне надо кое о чем тебя спросить...

– Давай.

– Люси довольно часто куда-то уходит и, если спрашиваю куда и зачем, отвечает маловразумительно: то ей надо по ра-

боте, то она разбирается с бумагами... Но я же знаю, что все это неправда. А иногда она возвращается посреди ночи. Скажи, вы встречаетесь?

Белланже вытаращил глаза:

– Встречаемся? Ты имеешь в виду... – Он помолчал. – Совсем крыша поехала? Что ты такое говоришь, Франк?

Шарко пожал плечами:

– Ладно, не бери в голову. Думаю, сегодня вечером у меня действительно не все в порядке с крышей.

Он вышел за дверь и скрылся в коридоре. Голова у него была чугунная, тяжелая, как уголовное дело.

Люси вернула на место, на письменный стол, рамку с фотографией двух детишек, и в эту минуту в комнату вошел Поль Шене. Судмедэксперт успел принять душ, он зачесал назад свои темные волосы, переоделся, от него пахло лосьоном. Энергичный сорокалетний мужчина, и выглядит сейчас даже со своей аккуратной бородкой и в очках с овальными стеклами куда менее строго, чем в рабочем халате. Нормальный мужик. Люси с Шарко не раз обедали с ним, болтая обо всем, кроме мертвецов и расследований.

– Дети растут, напоминая нам о том, как быстро летит время, – вздохнула Люси. – Мне бы хотелось познакомиться с твоими малышами. Может, придете к нам как-нибудь на днях все вместе, вчетвером?

У Поля в руках были пластиковая коробочка с образцами в запечатанных пробирках и диктофон.

– Да, здорово было бы собраться...

– Не «здорово было бы», а «надо будет»!

– Договорились – надо будет. Тебе уже лучше?

Как Люси сожалела о том, что дала слабину! Было время, когда она могла вынести что угодно, и кошмар уголовных преступлений возбуждал ее больше всего остального. Поглощенная работой, она забывала о собственных детях, о любви, о желаниях, свойственных любой женщине. Сегодня все

по-другому. Ах, если бы можно было раздобыть волшебный порошок, который позволит вернуться в прошлое и все там изменить! Размечталась!.. Тем не менее она нашла в себе силы улыбнуться Полю:

– Ночной дежурный такой милый – дал мне шоколадный пончик. Знаешь, мама забрала у меня моего лабрадора Кларка, а пес обожает такие пончики, ну и весит сейчас на десять кило больше.

– Конечно, пончик не самая диетическая пища, но тебе бы лучше съесть его до. Вопреки тому, что говорят, всегда хорошо чего-нибудь пожевать перед вскрытием – оно легче переносится.

– Времени не было.

– Сейчас ни у кого ни на что нет времени. Даже покойники спешат: надо заниматься каждым сию минуту. И ничего не поделаешь.

Он подошел к своему столу, поставил на него коробочку с пробирками – с образчиками жидкостей, обрезками ногтей, прядками волос...

– В любом случае ты ничего не потеряла. Все данные судебно-медицинской экспертизы говорят о том, что причина смерти – гипотермия. Сердце в конце концов отказало.

Поль, все так же стоя, выдвинул ящик и достал из него папку с бумагами, страниц сорок:

– Вот смотри. Я распечатал присланный мне сегодня мейлом из Гренобля протокол аутопсии – ну, той самой. А кое-

что тамошний коллега рассказал по телефону – мы говорили довольно долго. Кристоф Гамблен заявился к нему примерно три недели назад, представился журналистом из отдела происшествий и сообщил, что пишет статью о гипотермии. – Шене положил папку на стол. – Чертовски странная история.

– Почему странная?

Судмедэксперт уселся в кресло на колесиках и перелистал страницы:

– Героиню этой истории звали Вероникой Пармантье, ей было тридцать два года, работала страховым агентом в Экс-ле-Бен. Тело достали из озера Паладрю – это в Изере – седьмого февраля две тысячи первого года, температура воздуха была минус шесть по Цельсию. Жертва жила в тридцати километрах оттуда. Происшествие имело место десять лет назад, но Люк Мартель прекрасно все помнил и до того, как Кристоф Гамблен приехал, чтобы разворошить досье по старому делу. Из-за страшного холода, а главное – из-за самого дела, невысказанно странного... И отвечаю на вопрос, который сейчас задашь: нет, оно так и не закрыто до сих пор.

– Дело, ты сказал? То есть это не был несчастный случай?

– Скоро поймешь. Только сначала скажи: ты себе представляешь, что нам положено делать, когда речь идет об утоплении?

– Не представляю, сроду ни с чем подобным не сталкивалась. Объясни!

– Утопление – один из случаев, когда судмедэксперт для

первого наружного осмотра тела обязательно выезжает на место, потому как иначе не убедишься, что погибший действительно утопленник. У свежего трупа в таких случаях ищут прежде всего так называемые шапочки пены вокруг отверстий носа и рта, похожие на комочки ваты. Образуются они, когда слизь при последних рефлексорных вдохах смешивается с водой и воздухом, и поначалу очень хорошо заметны. Есть и другие характерные наружные признаки: кровоизлияния в конъюнктиве и склере, гусиная кожа, синюшность лица, прикушенный в судорогах язык... Однако у нашей жертвы при первичном осмотре не было обнаружено ни одного из этих признаков. Ладно, пусть не обнаружено – все-таки еще нет оснований окончательно отмести версию утопления: только аутопсия, внутреннее исследование трупа, способна открыть все его тайны.

– Так что же там случилось, в конце-то концов? Выходит, женщина не утопилась и не была утоплена?

– Нет, хотя она умерла, будучи погруженной в воду.

– Что-то я не...

– Не сечешь, естественно. В этой истории никакой ясности.

Судмедэксперт сделал паузу, возможно думая, как бы рассказать простыми словами о таких сложных вещах, и поправил рамку с фотографией детей.

– Когда мой коллега вскрыл тело жертвы, он внутри тоже не обнаружил ни единого характерного для утопления

признака. Легкие были чистыми, не увеличенными в объеме, никакого выпота ни в плевре, ни в перикарде. Надо было смотреть дальше, искать неопровержимый признак утопления: присутствие во внутренних органах диатомового планктона. Диатомеи – это крошечные одноклеточные водоросли, встречающиеся в любом водоеме. С последним вдохом утопающий глотает их вместе с водой, а потом мы находим диатомеи в легких, печени, почках, головном и костном мозге. Из того водоема, в котором человек утонул или был утоплен, берут пробы воды: со дна, с половины глубины и с поверхности. Правда, чаще всего довольствуются пробиркой воды с поверхности – той, где плавал труп, иначе приходится звать ныряльщиков и все осложняется.

– Эти пробы берут, чтобы сравнить диатомеи, взятые в разных местах водоема, с теми, что найдены при вскрытии?

– Совершенно верно. Надо сравнивать. Однако заметь: одного только наличия диатомей недостаточно, чтобы говорить именно об утоплении. Некоторые их виды содержатся в воздухе, которым мы дышим, в некоторых продуктах, которые мы едим. Стало быть, чтобы подтвердить: да, произошло именно утопление, и произошло оно именно здесь, – нужно найти как минимум двадцать диатомей, встречающихся и в пробах воды, и в анализах тканей трупа.

Шене положил перед Люси листок бумаги:

– Видишь, Мартель пишет, что не нашел ни единой общей диатомеи! Жертва умерла не в этом озере и не от утопления.

– Значит, женщину где-то убили, а после ее смерти перевезли тело.

– Не совсем так. Слушай-слушай, тут чем дальше, тем больше странностей...

Поль, послунив палец, перевернул несколько страниц с протоколами, и Люси заметила, что при этом он украдкой взглянул на часы. Пять минут одиннадцатого. Дети Шене, должно быть, уже легли спать, а жена ждет его у телевизора, где Мадонна начала разогревать публику...

– В кишках жертвы была вода. Так всегда бывает, если мертвое тело несколько часов пролежит погруженным в воду: вода проникает через ноздри или рот, попадает в пищеварительный тракт, там и остается. Ладно. Сравнили эту воду – из кишок – с водой из озера, ну и что обнаружили? Догадайся!

– Опять ничего общего?

– Воды должны были смешаться, диатомеи перемещались с места на место, – стало быть, хочешь не хочешь, общие нашлись. Вот только их в любом случае оказалось недостаточно. Вода, присутствовавшая в теле жертвы, была не из озера. Поняв это, мой коллега запросил подробный анализ этой воды. Общие характеристики и степень концентрации химических веществ, прежде всего хлора и стронция, говорили, причем абсолютно недвусмысленно, о том, что речь шла о воде из крана, попавшей внутрь тела жертвы после смерти естественным путем.

Люси нервно пригладила волосы. Было поздно, день выдался кошмарный, и дополнительное мозговое усилие далось ей нелегко.

– Ты хочешь сказать, что эта молодая женщина не утонула и ее не утопили и что она, будучи уже мертвой, провела какое-то время в обычной воде из-под крана, после чего ее перевезли к озеру и бросили в него?

– Вот именно.

– Бред какой-то! А причину смерти удалось установить?

– Отравление – из таких, которые особенно трудно выявить. Но токсикологи доверились интуиции, и она не подвела: в тканях трупа сразу же обнаружилось критическое количество сероводорода, а углубленные исследования подтвердили, что в печени была 1,47 микрограмма, а в легких – 0,67.

– Сероводород... Газ... Тот, который пахнет тухлыми яйцами?

– И тот, что содержится порой в сточных водах, в отстаивниках... А еще в вулканических газах. Он всегда образуется при гниении органических веществ, разложении тканей, и им-то жертва была отравлена. В малых количествах этот газ может вызвать обморок, если вдохнуть слишком много – верная смерть.

– Я по-прежнему ничего не понимаю.

Шене принялся наводить порядок на своем письменном столе: спокойно поставил в стаканчик карандаши, собрал и сложил стопкой разбросанные листы бумаги. Позади Поля

возвышался большой шкаф с медицинскими журналами и книгами.

– Они, ребята из Гренобля, тоже ничего не поняли. Мне приходилось сталкиваться со смертельными отравлениями сероводородом, но всякий раз это была смерть от несчастного случая, главным образом – среди рабочих парижской канализации. Говорю тебе об этом затем, чтобы подчеркнуть: отравление сероводородом вовсе не всегда криминально. Вот только тут...

– Что «тут»?

– Мой коллега сказал, что сценарий был почти в точности воспроизведен следующей зимой, в две тысячи втором. Другое мертвое тело, и опять женское, было найдено в озере Анси, все там же – в департаменте Рона—Альпы. Жертва жила в двадцати километрах от этого озера, в Тоне. Да, ровно то же: отравление сероводородом, вода из крана... Концентрации газа в этом случае были чуть поменьше: соответственно – 1,27 и 0,47, но тем не менее тоже смертельные. И на этот раз никаких сомнений в том, что оба раза было совершено преступление, не осталось.

Люси ощущала, как прибывает адреналин, ей почудилось, что дело приобретает новый масштаб. 2001 год, 2002-й... Теми же годами датированы газеты, вынесенные Гамбленом из архива.

– Серийный убийца?

– Насколько мне известно, кроме этих двух убийств, ни-

чего подобного не было выявлено, ну и не знаю, можно ли на основании двух случаев говорить о серии. В общем-то, ты, по определению, в этом разбираешься лучше. Но так или иначе, порядок выполнения действий в обоих случаях был один и тот же. Дознаватели скрупулезно сравнили между собой сценарии, пришли к выводу, что обе женщины погибли, вдохнув сероводорода, но, как это произошло, разобраться не смогли. В регионе в то время не было зарегистрировано ни одной утечки газа, ни одного несчастного случая в результате отравления воздуха. Опять-таки оба раза использовался промышленный, произведенный химическим путем газ – так они считают.

– То есть убийца – химик...

Кто-то прошел по коридору за их спинами, дверь приоткрылась, и Поль помахал рукой одному из своих собратьев, заступившему, видимо, на ночное дежурство.

– Может быть, да. Но послушай, что было дальше. Дальше, решила следственная группа, безжизненное тело в обоих случаях помещали в ванну, наполненную водой из крана и достаточно большую для того, чтобы вода эта могла через естественные отверстия попасть в кишечник. И только потом тело вынимали и везли к озеру. Тот, кто перевозил трупы, явно хотел замаскировать причину смерти.

– Бессмыслица какая-то! Зачем помещать мертвое тело отравленного человека в ванну?

– Следователь у нас ты, не я. Чтобы покончить с протоко-

лами, добавлю: состояние первого трупа говорило о том, что от момента смерти до обнаружения тела прошло примерно десять часов. То же и во втором случае. И там и там – никаких подозреваемых. Только кое-какие зацепки.

– Какие же?

– Люк Мартель вроде меня, так же любит копнуть поглубже, ну и, поскольку «утопленница» его заинтересовала, он полез в папку с уголовным делом. И... – Поль выдвинул ящик и помахал перед Люси пачкой листов распечатки. – Догадалась?

– Только не говори, что...

– Именно это и скажу. Перед тобой – копии основных материалов гренобльского дела, присланные прямо из тамошней уголовки. Я думал, на вскрытие придет Франк, и знал, что ему это будет интересно. Так что можешь прихватить их вместе с двумя протоколами сегодняшней аутопсии.

– Ты гений, Поль!

– Не уверен, что делаю тебе подарок, но думаю, бумажки вам пригодятся. Кстати, Кристоф Гамблен пытался их раздобыть, но судмедэксперт не дал ему протоколов, и тогда он обратился в городской угрозыск. Теоретически ему не должны были дать доступа к делу, но мы же с тобой знаем, как часто бывает... Словом, журналист наверняка получил нужную ему информацию. Надо это проверить.

Шене улыбнулся, встал, снял с вешалки темно-синий пуховик и надел его. Взял черный кожаный чемоданчик, сунул

под мышку папки.

– Не забудь отдать пробирки токсикологам. Ребята ждут.

Он позвенел ключами, показывая, что торопится. Люси тоже поднялась и вышла вслед за Полем из комнаты, унося с собой пробирки и досье с протоколами. Шене запер дверь, они попрощались с ночным охранником, и Люси еще раз поблагодарила этого славного человека за шоколадный пончик.

На улице Поль застегнулся до подбородка, стянул шнурок капюшона, спрятав под ним влажные волосы, и взрыхлил мысками ботинок белую целину. Буря не утихала, снежные хлопья сносило ее порывами то в одну сторону, то в другую.

– Похоже, этому не будет ни конца ни краю... Черта с два доберусь до дому, – сказал Шене, задумчиво глядя на свой седан. – А ты на машине?

Люси кивнула в сторону «Пежо-206»:

– Да, но лучше бы приехала на метро: добираться до Аиле-Роз по такой погодке – мало удовольствия. К тому же, сам знаешь, надо сначала забросить в лабораторию пробирки.

Поль достал брелок, в темноте замерцали и угасли огоньки – сигнал, что система защиты автомобиля от угона выключена.

– До скорого.

– Только не забудь, что мы договорились встретиться у Франка.

– У Франка? Ах да, конечно-конечно. Позвони, ладно? Договоримся о времени – и напьемся.

Судмедэксперт, стараясь ступать осторожно, направился к седану и вскоре пропал из виду. Люси села в свой «пежо», закрылась изнутри, включила зажигание, печку и несколько минут просидела неподвижно, уставившись на Институт судебной медицины. В голове ее роились вопросы. Она думала об убийце, действовавшем в горах. Пыталась представить, как он стоит у полной ванны и разглядывает погруженный в воду труп. А потом идет по лютому морозу выбрасывать этот труп в озеро. У всякого убийцы есть мотив, есть причина делать то, что он делает, так, как он делает. Что двигало этим человеком?

Люси вздохнула. Необъяснимые преступления, нераскрытые дела десятилетней давности. Исчезнувшая невесть куда журналистка, которая вела расследования, и ее развращенная квартира. И другой журналист – он раскопал дела об убийствах, замаскированных под утопление, и тоже был убит, засунут в собственный морозильник. Перепуганный насмерть маленький бродяжка со следами травмы. Какая связь между всеми этими фактами?

Она взглянула на газеты, лежавшие на пассажирском сиденье под пробирками с образцами тканей. Было же еще два номера – из региона Прованс—Альпы—Лазурный Берег... А что, если убийца перебрался туда? Что, если у него было не две, а четыре, пять, десять жертв?

На кого вышел Гамблен, о чем догадался, обрекая себя на пытки и смерть в муках?

Пока согревалась машина, Люси решила хоть на минутку заглянуть в папку с материалами, присланными из полиции Гренобля.

После долгих месяцев следствия были сделаны очевидные выводы. Обе жертвы – брюнетки с ореховыми глазами, обеим около тридцати, высокие, стройные... и лыжницы! Гренобльским следокам удалось найти и еще одну связь между ними: обе женщины часто приезжали на горнолыжную станцию Гран-Ревар, неподалеку от бальнеологического курорта Экс-ле-Бен. Одна из них жила в полусотне километров от Экса, в дыре под названием Сессьё, другая в Анси, но часто наезжала в Экс и останавливалась в гостинице «Ле Шанзи».

Где только не искали полицейские! Опрашивали отдыхающих, туристов, рестораторов – тщетно, даже следов убийцы найти не удалось. Тем не менее интуиция им подсказывала, что обе жертвы были похищены из дому. Вторая-то наверняка. На полу около ее кровати валялся ночник с разбитой лампочкой, однако ни дверь, ни окна не были взломаны. Убийца воспользовался ключом? Он был знаком с жертвой?

Проглядев бумаги по диагонали, Люси попробовала подвести итог. Женщины, похожие внешне, и обеих, возможно, похитили из дому, не взломав дверей. Горнолыжная станция, которую обе жертвы, жившие от нее неподалеку, регулярно навещали в течение нескольких лет. Убийца, похоронивший тела в ближайших к месту жительства жертв озерах.

«Этот тип – местный, – подумала Люси. – Он точно пе-

ресекался с обеими девушками, точно знал, где и когда их можно найти».

Она посмотрела на часы и набрала телефон матери – рассказать, что новенького, и узнать, как поживает Кларк, лаборатор, который раньше принадлежал Люси. Было поздно, но Мари Энебель никогда не ложилась раньше полуночи. Мать с дочерью немножко поговорили, и дочь пообещала во время рождественских каникул приехать на Север.

Потом, тронувшись наконец с места, она медленно повела машину к набережной Орлож.

В салоне странно пахло.

Люси принюхалась и поняла: к ней приклеился и еще не выветрился запах гнили – запах трупа Кристофа Гамблена.

Когда Люси в половине двенадцатого ночи вернулась домой, стол для ужина был уже накрыт, и в большой квартире Шарко витал аромат пасты с семгой.

Направляясь к низкому столику в гостиной, чтобы положить папку и мобильник, она увидела там досье по делу Юро: фотографии, протоколы допросов, свидетельские показания, материалы следствия... Тысячу раз прочитанные и перечитанные бумажки – Шарко иной раз даже засыпал над ними – покоробились от времени. Люси считала, что Франк давным-давно забыл об этой истории, которая, скорее всего, так и останется неразрешимой, как остается десять процентов уголовных дел, а смотри-ка, вытащил из небытия... Почему? И почему именно сейчас, когда на них свалилось совсем другое дело?

Люси вздохнула, вернулась в прихожую, переобулась, повесила свою наплечную кобуру поверх кобуры своего напарника и пошла в кухню, где и обнаружила Франка, сменившего строгий костюм на джинсы, свитер и шлепанцы. Они поцеловались. Люси рухнула на стул и принялась массировать правую лодыжку:

– Ну и денек, черт побери, ну и денек!

– Дрянной для всех, мне кажется...

Шарко слушал свой древний приемник: там шли новости.

Он повернул выключатель, диктор умолк.

– Похоже, начались космические гонки, – вздохнув, сказал комиссар. – Этот парень, Востоков, говорит, что на очереди Юпитер. Что им там понадобилось, в этом месте, где ветер дует со скоростью полтыщи километров в час? К тому же путь туда и обратно должен занять не меньше двенадцати лет... Скажи, это они бредят или я чересчур приземлен?

Он разложил пасту по тарелкам. Люси оставила в покое щиколотку и накинулась на еду:

– Юпитер или что, а я умираю с голоду. Я все время умираю с голоду. Вообще-то, такой аппетит бывает у брюхатых, – наверное, мне пора купить тест на беременность...

Теперь вздохнул Шарко:

– Люси, нельзя же проверяться каждые две недели.

– Знаю, знаю... Но эти штуки, хоть их все время и совершенствуют, все равно не дают полной уверенности: почитай инструкцию, там написано, насколько эти тесты точны – в процентах. И пусть погрешность ничтожна, пусть это лишь доли сотой доли, все равно полной уверенности нет. Или, может, мне сделать анализ крови?

Шарко медленно накручивал на вилку длинную лапшу тальятелле: ему-то совсем не хотелось есть. Он собрался с духом, повернул ручку приемника и выпалил:

– Если я тебе предложу бросить все к чертям и уехать вдвоем на год, что ответишь? Не знаю куда: на Мартинику, в Гваделупу, да хоть на Марс... Было бы здорово. У нас там

была бы куча времени, чтобы сделать ребеночка!

Люси вытаращила глаза:

– Ты шутишь?

– Никогда в жизни не был так серьезен... Давай возьмем годичный отпуск²⁰ или вообще все бросим. Окончательно. В конце концов, надо же когда-нибудь истратить мои деньги!

После смерти жены и дочери его банковские счета только что не лопались, но это не мешало ему спать на продавленном диване и ездить на старенькой машине...

Люси, ошарашенная внезапным предложением, молча глотала пасту. Обычно они с Шарко были на одной волне, и когда кто-то что-то предлагал, другой практически сразу же соглашался. Сегодня ничего похожего: идея Франка показалась ей настолько же нелепой, насколько неожиданной.

– Что случилось, Франк?

Он сморщился, отложил вилку, все равно он сейчас ничего, решительно ничего не может проглотить.

– Это... этот мальчик... в больнице...

– Расскажешь?

– Кажется, он тяжело болен. Сердце, почки, глаза... И кто-то держал его под замком. Силой.

---

²⁰ Шарко имеет в виду не имеющий у нас аналога «*année sabbatique*» (вроде академического отпуска у студентов). Его может взять любой служащий после шести лет работы в одной организации, заблаговременно, за три месяца до ухода в отпуск, подав заявление и не указывая никаких причин: только дату и предполагаемую продолжительность, обычно – год. Зарплату в течение этого года он не получает, но место остается за ним.

Люси залпом выпила стакан воды. Шарко взял мобильник, показал подруге сделанный им снимок с татуировкой:

– У него это на груди, представляешь? Клеймо, как у животного. Смотри!.. А на одном из запястий – следы наручника, ребенок был прикован цепью... Это расследование добром не кончится, и, знаешь, у меня ощущение, что нам пора с этим завязывать.

Люси встала, подошла к Шарко сзади, обняла, уткнулась подбородком в его левое плечо:

– По-твоему, мы имеем право бросить этого ребенка?

– Никто его не бросает. И мы не сможем спасти всех детей на земле. Рано или поздно нам придется принять решение.

– Это случится само собой, когда я забеременею. Давай подождем еще немножко, не станем пока сматывать удочки. Мне надо действовать, двигаться, чтобы не жевать все время одну и ту же жвачку. Дни проходят быстро; когда я возвращаюсь вечером, я вымотана. Но это позволяет меньше думать о своем. Остров, пальмы? Не знаю... Боюсь, мне там будет душно... И я все время буду *их* вспоминать... Все время.

Они не закончили ужин, но ни ему, ни ей не хотелось сегодня засиживаться за столом. Да и дело шло к полуночи. Люси выпрямилась, отодвинулась от Шарко, включила чайник.

– Знаешь, что такое боязнь высоты? Бывало с тобой такое? Когда у тебя кружится голова, ты понимаешь, что вот-

вот помрешь от страха, но приближаешься и приближаешься к пропасти... Я всегда так делала, когда была девчонкой, и мы ездили в горы. Ненавижу это ощущение и обожаю его. Того, что я почувствовала сегодня, мне давно не удавалось испытать: именно из-за этого я и согласилась пойти на вскрытие. Как ты считаешь, это хороший знак или наоборот?

Шарко не ответил. Наступившую тишину нарушало только позвякивание тарелок в посудомойке. Он стиснул зубы. Он не воспользовался даже этими минутами покоя и доверия, чтобы признаться в своем бесплодии, в том, что сдавал кровь, рассказать о надписи на стене зала торжеств. Он слишком боялся ее потерять, боялся остаться один, как прежде, и, как прежде, тупо смотреть, как ездят по рельсам маленькие поезда...

Люси заварила ему в кружке мяту, в свою чашку бросила ломтик лимона, заглянула Франку в глаза:

– Мне кажется, наш хроникер Кристоф Гамблен расследовал серию...

– Серию... – эхом повторил Франк.

В глубине души он уже уступил, покорился – Люси ни за что не бросила бы дела. Она никогда ничего не бросала, не доведя до конца. Шарко попытался навести хоть какой-нибудь порядок в своей старой черепушке, прогнать из сознания фотографии зала торжеств в Плёбьяне и послушать, что говорит подруга.

Подруга же, не выпуская чашку из рук и рассказывая о

том, как прошел день, отвела его в гостиную, где переместила на диван досье с материалами и разложила по столу четыре номера «Высокой трибуны», а рядом – «Фигаро».

– Слушай, а зачем тебе вдруг понадобилось дело Юро?

– Из-за мальчика в больнице... – поколебавшись, ответил полицейский. – Плохие воспоминания, все такое... Ну я и воспользовался этим, чтобы порыться в ящиках. И вот... наткнулся. Да, кстати, ты что, смотрела мои старые альбомы и видеокассеты-восьмимиллиметровки?

– Видеокассеты-восьмимиллиметровки? Фотографии? Зачем бы? У тебя ведь даже проектора нет, чтобы смотреть такое древнее видео... Сам-то ты сколько лет к ним не прикасался!

– Вот именно. Но я их обычно складываю определенным образом, а сейчас они лежат не так.

Люси пожала плечами и, не оставляя Франку времени на новые вопросы, протянула раскрытую на нужной странице газету за 2002 год:

– Сосредоточься-ка лучше на нашем деле. Посмотри тут, я обвела.

Шарко еще несколько минут смотрел на Люси, потом взял «Высокую трибуну» и стал читать вслух.

13 января 2002 г.

Двое суток назад, морозным утром, в озере Анси было обнаружено безжизненное тело Элен Леруа. Женщине было тридцать четыре года, она жила

в двадцати километрах от озера, в Тоне, держала там сувенирную лавку. Пока полиция отказывается сообщить, каковы были обстоятельства смерти, но случайное утопление маловероятно: машину жертвы нашли возле ее дома. Каким образом Элен Леруа могла бы сама попасть к озеру? Может быть, ее похитили, потом утопили? Имеет ли новое дело отношение к прошлогоднему? Напомню, что в феврале 2001-го, меньше года назад, в озере Паладру в аналогичных условиях было найдено тело Вероники Пармантье. На сегодняшний день тайна остается тайной.

Оливье Т.

Комиссар бросил газету на журнальный столик и быстро пробежал глазами заметку из хроники происшествий, которую читала Люси, сидя в машине перед Институтом судебной медицины. Ту, 2001 года. Потом Люси в двух словах пересказала ему объяснения Шене: насчет водопроводной воды в кишечнике и перевозки тела отравленной сероводородом женщины к озеру. Дочитав, Шарко повел головой в сторону двух газет из региона Прованс—Альпы—Лазурный Берег:

– И ты думаешь, что Кристоф Гамблен напал на след серийного убийцы, который действовал в двух соседних регионах?

– Угу, впечатление, во всяком случае, такое. Остается в этом убедиться. Возможно, полиция одного региона не была особо информирована о том, что делает полиция друго-

го. И методы, которыми действовал преступник, за прошедший после первого «утопления» год могли слегка измениться. Еще... еще, возможно, судейникам не пришло в голову поискать в организме сероводород. К тому же десять лет назад не было обыкновения сопоставлять информацию из разных источников... – Она посмотрела на часы. – Ну что, ограничим себе время?

– До часу ночи. И ни минутой больше.

– Ладно. Час ночи.

Люси подтолкнула к Франку «Фигаро», придвинула к себе остальные газеты.

– Пойду быстренько приму душ и надену пижаму. А ты полистай «Фигаро». Газета не имеет отношения ко всем остальным, и Валери Дюпре никогда там не работала – Робийяр проверил. Тем не менее «Фигаро» обнаружили в папке с ее собственными статьями. У нее под кроватью. Такую вот маленькую личную коллекцию она собирала, если хочешь... Не представляю, что именно надо там искать, но уверена: что-нибудь да найдется. Кстати, смотри, что я обнаружила на второй полосе, – сказала она, протягивая Шарко фотокопию. – Вернее, на приклеенной к ней бумажке.

– «654 слева, 323 справа, 145 слева», – прочел комиссар. – Похоже на шифр замка. Вроде как у сейфа с колесиком...

– Я и сама так подумала. Но откуда вдруг сейф? Ни у нее, ни у Кристофа Гамблена не нашли никаких сейфов.

Люси собралась было в ванную, но Шарко ухватил ее за

запастье и притянул к себе:

– Погоди минутку!

Он нежно поцеловал подругу, но она не расслабилась, не забылась в его объятиях. Шарко почувствовал в ней какое-то напряжение, какую-то зажатость, что ли, и, когда Люси сделала шаг в сторону, но еще достаточно было руку протянуть, чтобы обнять ее снова, Франк этого не сделал. Позволил ей уйти. Окунулся в работу.

Комиссар быстро, но внимательно прочитал одну за другой статьи в «Фигаро», потом перешел к хронике происшествий. Люси вернулась четверть часа спустя – влажные светлые волосы доходили ей до лопаток, от нее хорошо пахло, с ней всегда невероятно хорошо, она его маленькая звездочка... Шарко смотрел на Люси, и в нем росло желание – пришлось сделать над собой усилие, чтобы сосредоточиться и продолжать чтение. Они были вдвоем, свет был приглушен, но они не целовались, не смотрели телевизор и не думали о будущем. Скорее – тонули во мраке...

Люси заговорила первая. Она обвела черным фломастером заметку посреди страницы «Высокой трибуны» с хроникой происшествий, нахмурилась:

– У меня одна нашлась!

– Тоже со смертельным исходом?

– Да нет, не со смертельным, но могла бы подойти...

Глянь, это просто поразительно.

Полицейский отложил «Фигаро», пробежал глазами за-

метку в «Высокой трибуне», озадаченный, потер подбородок. Люси выхватила у него из рук четвертый, последний номер газеты – выпуск региона Прованс—Альпы—Лазурный Берег, 2004 год – и стала лихорадочно ее листать. Бумага шуршала, глаза Люси перебежали от колонки к колонке, теперь, когда она знала, что ищет, не понадобилось и пяти минут, чтобы найти и обвести эту заметку тоже большим черным кругом.

Они с Шарко поняли друг друга с полувзгляда: Кристоф Гамблен действительно напал на след чего-то настолько же необъяснимого, насколько ужасающего.

– Вот и четвертый случай, – сказала Люси. – На этот раз дело было на озере Амбрен. Департамент Верхние Альпы, регион Прованс—Альпы—Лазурный Берег. 21 января 2004 года. Избавлю тебя от предисловия, там сплошное ля-ля... Вот, послушай!

Бригада медиков из службы скорой помощи города Амбрен прибыла на место происшествия через несколько минут после поступившего к медикам звонка с сообщением о том, что в озере утопленница. Тело плавало у самого берега, казалось безжизненным. И действительно, когда Лиз Ламбер, 35 лет, вытащили – а температура воды была, надо сказать, около 3 °С, – женщина не подавала никаких признаков жизни: сердце не билось, зрачки были расширены и не реагировали на свет. Но доктор Филипп Фонтес не спешил засвидетельствовать смерть, он, наоборот,

попросил очень медленно согреть тело, ничего больше не предпринимая. По мнению врача, поскольку оно такое замерзшее, даже легкий массаж сердца мог бы наверняка спровоцировать смерть в случае, если бы утопленница на время ожила. И случилось чудо! Без малейшего вмешательства со стороны некоторое время спустя приборы зарегистрировали первые признаки электрической активности сердца Лиз. Сейчас молодая женщина проходит реабилитацию в медицинском центре Гапа²¹, и жизнь ее уже вне опасности...

– ...Ну и опять всяческое ля-ля: журналист, который все это написал, Александр Савен, на все лады восхваляет доктора «скорой». Даже фотография есть.

Шарко попытался подвести хоть какие-то итоги открытий:

– В две тысячи третьем было нечто подобное. Опять-таки регион Прованс—Альпы—Лазурный Берег, но департамент на этот раз другой: Альпы—Верхний Прованс. Озеро Волон. Девятое февраля. Дальше, по фактам, почти слово в слово: Амандину Перлуа, тридцати трех лет, заметили в почти заледеневшей воде, кто-то вызвал «скорую», тело было безжизненным, потом, словно по волшебству, ожило. Но автор заметки на этот раз не Александр Савен, кто-то там еще.

Взгляд Люси перебежал с одной заметки на другую. Шарко видел искорки возбуждения, сверкавшие в ее глазах. Он

---

²¹ *Gap* – маленький городок между Греноблем и Лазурным Берегом, самая высокая точка Франции.

любил – господи, как любил! – и эту женщину тоже. Любил эту хищницу, идущую по следу добычи, такую непохожую на Люси в минуты нежности... Впрочем, в самый первый раз он на эту-то сторону ее личности и запал.

– Значит, что мы с тобой имеем? – спросила Люси. – В две тысячи первом и две тысячи втором – трупы в регионе Рона—Альпы. Женщины – местные, лыжницы со станции Гран-Ревар, были похищены из дому, отравлены сероводородом, перевезены и найдены мертвыми в озерах. В две тысячи третьем и две тысячи четвертом двум другим женщинам удалось избежать точно такой же смерти, и дело было в соседнем регионе. М-да, никто вроде бы и не пробовал сопоставить эти происшествия.

– Что ты хочешь? Разные регионы, разные департаменты... Да и журналисты разные. А ребята из Гренобля, должно быть, и не слышали об этих невероятных воскрешениях, поскольку речь не шла об убийствах и смерть не была зарегистрирована.

Шарко встал, взял в одном из шкафов большой дорожный атлас, открыл его, быстро нашел нужные карты и пометил карандашом соответствующие места. Места, где были найдены тела женщин: Шаравин, Анси, Волон и Амбрен. Города, где жили жертвы: Сессьё, Тон, Динь-ле-Бен, Амбрен.

– Между самыми отдаленными местами жительства «утопленниц» – больше ста километров. А обнаружены были эти женщины в озерах, самых близких к городам, где они

жили.

Следующей точкой, которую комиссар отметил, стал Эксле-Бен – там по крайней мере две женщины из четырех катались на лыжах.

– Мы никуда не сдвинулись с гор, но, несмотря ни на что, мне кажется, как-то все распадается. Есть ли вообще связь между двумя делами об убийстве и двумя чудесными воскрешениями?

– Конечно же есть! Во-первых, Гамблен собрал все эти газеты, и он мертв. Во-вторых, ты же видишь, как много совпадений: сильный холод, почти замерзшая вода, озера. Всем жертвам за тридцать. И посмотри-ка две последние заметки: и там и там говорится, что вызвали «скорую», и это позволило спасти обеих женщин *in extremis*²², но кто вызвал? Нет ответа.

– И нет ответа на вопрос, каким образом эти две выжившие попали в воду. Поскользнулись и упали? Их толкнули? Или они тоже были похищены? А еще: почему они, находясь в воде, не утонули? Обычно как бывает? Ты вдыхаешь воду и умираешь оттого, что она заполняет дыхательные пути, да?

Шарко поднялся и заходил, глядя в пол, взад-вперед по комнате. И вдруг щелкнул пальцами:

– Ты права – все связано! Мы не подумали еще об одной важной вещи. Где умер Кристоф Гамблен?

– В морозильнике, – помолчав, ответила Люси. – Опять

---

²² В последний момент (*лат.*).

переохлаждение. Вода. Лед. Будто знаки.

Шарко кивнул, вид у него был довольный.

– Убийца-садист наблюдал за тем, как его жертва медленно замерзает, точно так же он мог наблюдать за тем, как женщина плавает в озере и постепенно замерзает в заледевшей воде... И это только что навело меня на гипотезу!

– Возможно, убийца двух женщин – как раз тот, кто звонил в «скорую», и он же убил Гамблена, так?

– Именно так. Это пока версия, но, по-моему, вполне приемлемая версия.

Люси почувствовала, что Шарко включился в игру. Глаза его были снова распахнуты, взгляд, как недавно у нее самой, перебегал с газеты на газету.

– У нас с тобой четыре дела, но как знать, сколько их было еще там, в горах? Сколько их было еще – погибших или чудом спасшихся женщин? А если наш убийца все еще действует? Наш журналист наткнулся на эти старые дела и, наверное, поехал на место?

– Мы знаем, что он побывал, по крайней мере, в Институте судебной медицины и в Уголовной полиции Гренобля.

– Точно. Явно использовал все возможности выйти на того, кто подстроил все эти «утопления»...

– Но главное для нас вот что: этот человек знал о намерениях журналиста. И избавился от него.

Они замолчали, потрясенные сделанными только что открытиями. Шарко сходил в кухню еще за одной кружкой тра-

вяного чая, а вернувшись, сел рядом с Люси и нежно поворошил ей волосы:

– Пока у нас нет никакого ответа. Нам неизвестно даже, какое отношение ко всему этому имеют малыш, который сейчас в больнице, и Валери Дюпре. Нам неизвестно, где сейчас эта журналистка, которая вела свое расследование, и жива ли она. Но по крайней мере, с завтрашнего утра мы уже не будем тыкаться как слепые щенки, потому что знаем, где искать!

– Прежде всего надо будет найти и расспросить двух женщин, вернувшихся с того света.

Шарко, улыбаясь, кивнул и перешел к более настойчивым ласкам. Люси прижалась к нему, поцеловала в шею, но потом осторожно высвободилась.

– Я так же хочу этого, как ты, но сегодня нам нельзя, – прошептала она. – Загляни в календарь – увидишь, что дверь откроется только через два дня, в субботу вечером. И надо, чтобы твои... твои зверюшки накопили сил, – так у нас будет больше шансов.

Люси, посмотрев на часы, потянулась к папке с бумагами, присланными из гренобльской полиции:

– Полистаю немножко, надо как следует пропитаться этим старым делом... И еще нет часа ночи! А ты, если хочешь, иди спать, ладно?

Шарко был разочарован, но нежности в его взгляде несколько не убавилось. Он нехотя встал и взял досье по делу

Юро.

– Если передумаешь... если передумаешь, я тоже пока не сплю.

А когда он был уже в коридоре, Люси его окликнула:

– Эй, Франк! У нас будет ребенок, слышишь? Я клянусь тебе, у нас будет ребенок, чего бы это ни стоило!

Шарко проснулся от удушья.

БЕССМЕРТНЫХ НЕ БЫВАЕТ. ДУША – ЭТО НАВСЕГДА. ОНА ЖДЕТ ТЕБЯ ТАМ...

Нет, он ни в чем не уверен. Это догадка, только догадка, но эта догадка оказалась способна пробудить его посреди ночи, всего в поту.

Франк молча встал, включил ночник. 2 часа 19 минут. Люси, свернувшаяся калачиком, крепко спала, прижимая к себе подушку. Досье Юро валялось на полу, несколько страниц выпали и лежали рядом. Он крадучись подобрался к гардеробной, нашел там теплую одежду, тяжелые туристские ботинки, погасил свет в спальне и, пробыв несколько минут в ванной, отправился в кухню, где сочинил такую записку:

Мне так и не удалось заснуть из-за всех этих историй с утопленницами, ну и решил уйти в контору пораньше. До скорого, я люблю тебя!

Шарко положил записку посреди кухонного стола – так Люси наверняка ее увидит. Затем потихоньку взял пистолет, потихоньку же переобулся в гостиной и проглядел «Фигаро», где по-прежнему ничего не было обведено или написано на полях. Стало быть, Люси ничего найти не удалось, хоть и просидела над газетой так долго... Он вздохнул, натянул на голову черную шапку, вышел из квартиры, запер за собой

дверь. Лифт, подвал... Шарко сам не верил в то, что решится это сделать, тем не менее...

Десять минут спустя он ехал по шоссе А4 в направлении Мелена, который находился примерно в полусотне километров от столицы. Снег уже, к счастью, с неба не валил. Время от времени тьму прорезали оранжевые лучи вращающихся фонарей, спецмашины уже приступили к работе и начали рассыпать по асфальту свои тонны соли... С черного, чернее сажи, неба проливали тусклый свет луна и звезды, их бледные лучи вяло скользили по снежной пелене. Шарко вцепился в руль крепче. Затылок у него был чугунный; любой фонарь, мимо которого он проезжал, посылал в его мозг огненную стрелу...

Октябрь 2002 года. Та же дорога и тоже ночью. Гнев, доходящий до бешенства, и страх ведут меня к садисту, который мучил и убивал женщин. Его личность уже установлена, и теперь я мчусь к загнанному зверю, к тому, кто держит у себя Сюзанну больше полугода. Я давно не сплю, я давно не живу, я давно стал всего лишь тенью собственной ненависти. Только эта ненависть и адреналин позволяют мне держать глаза открытыми. Сейчас, этим вечером, я готовлюсь к встрече с самым страшным чудовищем, с убийцей худшего разбора. Его прозвали Красным Ангелом. Я еду к монстру, который вкладывал в рот убитой им с беспримерной жестокостью жертвы дореформенную монетку в пять сантимов.

Прошло почти десять лет, но как все в нем еще живо... Время ничего не стерло, только сгладило углы, чтобы сделать настоящее более терпимым. Ни одну из дыр, образовавшихся после смерти близких, невозможно заполнить, мы можем только жить без них и надеяться на то, что когда-нибудь эти дырки затянутся. Шарко любил Люси, как никого на свете, но он любил ее еще и потому, что рядом не было Сюзанны.

Дорога, дорога, дорога... Национальная, потом местные... Никто в такую погоду никуда добровольно не поедет, а уж в этот час... Городок спал. Сугробы по обочинам в свете фар придвигались все ближе, потому что дороги становились все уже... Вскоре стали видны и первые деревья Бревьяндского леса²³. Голые обледеневшие дубы и ясени, словно из стекла. Шарко ни разу не возвращался в эти проклятые места, но отлично помнил дорогу: в памяти часто сохраняется самое худшее.

Здесь был странный свет. Ледяная ночь, снег, луна... какие-то внезапные изгибы и округлости, возникавшие в серебристо-серых отражениях... Минуты, в течение которых машину болтало на разъезженной дороге, показались ему бесконечными. В конце концов, после километра или двух, Шарко понял, что дальше пути нет, и вышел из машины. Как в тот раз.

---

²³ Огромный старинный Бревьяндский лес, расположенный в часе езды к юго-востоку от Парижа, был когда-то частью имения герцога Орлеанского. Сейчас это парк.

Я приближаюсь к большим болотам с оружием наготове. Хижина построена на островке, среди деревьев и высоких папоротников. Сквозь щели в закрытых ставнях сочится свет. Он падает на причаленную с той стороны водоема лодку. Красный Ангел там, внутри, и Сюзанна с ним. Взаперти. У меня нет выбора. Мне нужно перебраться туда вплавь – по ледяной стоячей воде, покрытой ряской, между листьями кувшинок, мертвыми ветками, щепками...

Франк несколько раз оскальзывался, спотыкаясь о скрытые под затвердевшим снегом корни, несколько раз падал, угодив ногой в яму. Его старенький фонарь – сколько ему? должно быть, лет уже пятнадцать, не меньше? – высвечивал со всех сторон ряды одинаковых, как близнецы, стволов. Какого черта он делает здесь поздней ночью, на дороге, которой даже и различить не в состоянии? Это чистое безумие. А если он ошибся, если поехал не туда? Где, черт побери, эти гнусные болота? Где хижина серийного убийцы, которого он уложил так хладнокровно, ни секунды не поколебавшись? Прошло десять лет, домишко, должно быть, разорили, может, даже и разрушили. А вдруг от нее, от этой лачуги, попросту больше ничего не осталось?

Ноги замерзли, от холода было трудно дышать, ему чудилось, что с каждым вдохом его легкие все больше леденеют изнутри. Лес явно его не хотел.

Никаких следов, кроме своих собственных, он на снегу не

видел. Никто не приходил сюда с тех пор, как выпал снег. Он сжал руками колени, несколько секунд передохнул. Деревья потрескивали, комья снега срывались с ветвей и падали на землю, как мертвые голубки. Никакого зверья, время словно остановилось. Он всерьез задумался о том, чтобы повернуть обратно, и тут, как ему показалось, заметил впереди контуры какого-то строения. Кровь прилила к сердцу, и Шарко вдруг стало жарко. Он побежал пошатываясь, задевая перчатками снег.

Да, хижина стояла на своем месте, посреди черного острова. Больше не раздумывая, он поспешил к лодке, которая будто ожидала его у берега. Лодка выглядела новенькой, и даже весла в уключинах имелись. Ему показалось, что он угодил в ловушку, но он не смог заставить себя повернуть назад. Он отвязал лодку от дерева, смел снег со средней банки и сел.

«Душа – это навсегда. Она ждет тебя там». Теперь эта часть послания стала совершенно ясна. Душа Сюзанны родилась в Плэбьяне, и пусть физически его жена умерла не среди этих болот, дух ее был сломлен здесь – здесь угасло ее создание, раздираемое безумием и садизмом дьявола.

Вхожу, весь мокрый и промерзший до костей, в хижину и вот тут-то ощущаю настоящий ужас. Моя жена Сюзанна, которую я где только не искал в течение шести месяцев, которую столько раз мысленно похоронил, передо мной – привязанная к деревянному

столу, голая, с растянутыми в стороны руками, с тряпкой на глазах и круглым животом, где живет уже наша маленькая Элоиза. Сюзанну мучили, ее пытали. Она воет, пока я снимаю с ее глаз повязку. Она меня не узнает. Вконец уничтоженный этой чудовищной погнусности картиной, я, рыдая, падаю на землю – в этот момент появляется убийца и прицеливается в меня.

Выживет только один из нас...

Управляться с лодкой по такому морозищу не хватало сил. В груди хрипело, холодный сырой воздух терзал легкие, мышцы и кости особенно остро чувствовали сейчас возраст, но он греб все быстрее и быстрее, несмотря на боль. И думал: что бы я делал без этой лодки? Интересно, хватило бы у меня мужества броситься в ледяную воду, как тогда? Нет-нет, в это поверить невозможно – в то, что он опять здесь, среди посиневших от стужи болот, это сродни ночному кошмару... Хотя очертания хижины слишком четки, чтобы быть сном... Жалкое строение облупилось, обветшало, но – если не вдаваться в подробности – осталось точно таким, каким запечатлелось в его памяти. Никто этой проклятой халупой не занимался, ее бросили, оставили на волю времени, которое рано или поздно сделает свое дело, и все, что здесь свершалось, – постыдное, безобразное, непристойное – забудется, словно и не было.

Полицейский причалил как смог и с оружием в одной руке, фонарем в другой выпрыгнул на белую, без единого следа, целину берега. Пейзаж был невероятный, ни дать ни взять

– рисунок углем. Над трепещущей, кое-где подернутой ледяной коркой водой висели клочья тумана...

У Шарко болел живот, ныло сердце, огненные стрелы продолжали впиваться в его мозг. Все клетки его чертова организма сопротивлялись, не хотели туда. Войти в лачугу – значило открыть дверь в прошлое и снова встретиться с ужасом, который он так старался забыть.

На двери теперь не было ручки.

Он вошел, двигаясь осторожнее некуда и выставив вперед пистолет.

Связанная Сюзанна. Окровавленный стол. Запахи пота, слез, страдания. Живот в форме яйца.

Шарко обвел узким лучом фонаря большую комнату, тщательно все осмотрел, потом прошел в маленькую, находившуюся позади. Нигде никого. Ни трупа, ни следов резни. Нервы были на пределе, он задыхался, но методично, сантиметр за сантиметром, исследовал стены. Никаких надписей кровавыми буквами, никаких указаний, на этот раз – ничего. Он глубоко вздохнул. Неужели он ошибся – разве это возможно? Неужели тут и впрямь ничего нет? Он подумал о Люси – как она там спит одна в квартире, хрупкая, уязвимая...

– Какого черта я здесь делаю?

Долю секунды он размышлял, не вернулась ли к нему шизофрения: тогда ведь так и начиналось – с видений, с приступов паранойи. Психиатры говорили, что от этого можно

и не излечиться...

Пол под ногами комиссара скрипел, потрескивал, некоторые дощечки источил жучок, в других попросту образовались дырки. Ни в одном окне не было ни одного целого стекла. От мебели остались только остовы, из старого продавленного кресла торчали ржавые пружины. На полу, в пыли, везде виднелись следы шагов. Должно быть, люди все эти годы приходили сюда посмотреть, на что может быть похожа берлога серийного убийцы. Страсть к сенсациям и жажда крови – газеты, радио, телевидение не поскупились в свое время на рассказы.

Стараясь справиться с нервами, он без особых надежд продолжал осмотр помещения. И вдруг его фонарь наткнулся на какую-то гладкую поверхность, будто приклеенную к шершавой стене. Там, внизу. Он подошел ближе, прищурился, встал на колени.

Контейнер для мороженого.

Новехонький.

А на нем – прикрепленная скотчем бумажка с одной-единственной фразой: «После 20-го шага покажется, что опасность на время отступила, 48° 53' 51" N».

Франк стоял и тер подбородок долго-долго. Вот и новое послание, новая загадка... Нет, он не ошибся, он правильно понял, где ему назначено свидание. Он представил себе худшее, и руки его задрожали: там, внутри, может оказаться все что угодно. Он вспомнил известный фильм с кошмар-

ным финалом: посыльный службы доставки товаров на дом вручает герою посреди пустыни картонную коробку, а в ней такое, о чем и подумать-то страшно²⁴.

Комиссар приложил ладонь к пластиковому боку – твердому, заледенелому. Потом встал, походил туда-сюда, глаз не сводя с плотно закрытого контейнера. Число в записке было похоже на первую часть координат GPS-навигатора... Что же до начала, там ничего не поймешь... «После 20-го шага...» О чьих шагах речь? С какой точки и в каком направлении?

Что делать? А если то, что положили в коробку, взорвется, как только он приподнимет крышку?

Шарко долго и напряженно думал и в конце концов решил. Он снова встал на колени лицом к контейнеру, задержал дыхание, взялся руками в перчатках за крышку с двух сторон и медленно потянул ее вверх. Оружие, на случай чего, положил рядом.

Коробка была наполнена льдом – брусками и кубиками.

Он облизал пересохшие губы. Что еще ему приготовил этот тип с извращенным умом – тот, кто оставил послание, написанное его кровью? Этот псих мог быть кем угодно, кто в то время хорошо знал всю его историю... Читателем газет, телезрителем, ненавистником полицейских, ставшим таковым по какой-то идиотской причине... Шарко принялся раз-

---

²⁴ По-видимому, имеется в виду фильм «Семь» (реж. Дэвид Финчер, США, 1994), где преступник изобретает самые изощренные убийства и где в этой самой картонной коробке – отрезанная голова беременной жены героя.

гружать контейнер медленно, постепенно и разгружал до тех пор, пока не наткнулся на стеклянную трубочку, точнее, пробирку, заткнутую пробкой. Вынул ее из контейнера и осветил фонариком то, что скопилось на самом дне.

Густая белесая слизь.

Никаких сомнений. Это сперма.

Девять утра.

Комната группы Белланже. Сегодня они собрались здесь в полном составе: дверь закрыта, в руках у каждого по стаканчику с крепким черным кофе, лица у всех куда менее свежие, чем накануне.

Шарко, прислонившись к стене у окна, смотрел на столицу, а столица была уже белым-бела... Какие там мысли о далеких островах с их белым песком!.. Сегодня у него в голове бушевал ад. Конечно же, он думал о зловещем содержимом своего багажника – машину он оставил в нескольких шагах от дома 36. Контейнер для мороженого, пробирка со спермой, промокшая одежда, которую он старательно припрятал, чтобы Люси, если надумает стирать, не обнаружила.

Домой он вернулся в десять минут шестого. Подруга ничего не видела, ничего не слышала, ни о чем не подозревала. Оставленную ей на кухонном столе записку он смял и закинул поглубже в мусорное ведро. Без четверти восемь тайком позвонил в лабораторию, где сдавал анализы, – удостовериться, что там не было ни взлома, ни кражи. За пять минут до совещания связался с комиссариатом Бур-ла-Рен: нет ли чего-нибудь новенького насчет нападения на медбрата. Ничего.

Может быть, он сделал ужасную глупость, отправившись

туда один. Может быть, надо было вызвать полицию, чтобы произвела в хижине обыск по всем правилам. Может быть... Но кому интересны сейчас его сожаления, кому интересны его душевные терзания? Он сделал свой выбор, теперь уже слишком поздно.

Шарко перевел взгляд на Люси, которая, сидя за столом, допивала второй за утро кофе. Понаблюдал за ней и за Белланже, подумал: какой красивой они были бы парой... В общем-то, ничего в их поведении не давало повода заподозрить какую бы то ни было связь. Неужели он стал абсолютным параноиком? Он вспомнил, как прокрадывался в постель нынче утром, – ни дать ни взять неверный муж. Имеет ли он право скрывать от Люси *такую* правду? Чем больше времени проходит, тем острее у него ощущение, что погрязает во лжи. Чей там материал в этой чертовой пробирке со спермой? К чему относятся эти начальные координаты, что это за непонятное послание с двадцатью шагами?

Никола Белланже, встав у доски и приготовившись записывать, попросил внимания группы. Было заметно, что он мало спал. Веки тяжелые, плохо выбрит... Работа начала свое разрушительное воздействие. Белланже обозначил главные линии расследования и предложил каждому сотруднику отчитаться в том, что сделано.

Первым выступил Леваллуа, который сообщил о своих открытиях: с помощью коллег из другой команды он изучал ближайшее окружение найденной в морозильнике жертвы –

опрашивал соседей, некоторых друзей, членов семьи.

– По свидетельствам близких, у Кристофа Гамблена не было особых проблем. Вкалывал он дай боже как, но любил и завалиться куда-нибудь с приятелями, и в кино сходить, а иногда и выпить немножко. Время от времени он появлялся на людях с какой-нибудь женщиной, но, судя по всему, эти связи были непродолжительными: Гамблен отстаивал свое право быть холостяком. На работе в последнее время явно не случалось ничего выдающегося. Я проглядел статьи, присланные нам по мейлу: обычная хроника происшествий, тоже ничего особенного... Что еще? Хм... Ах да! Гамблен обожал всякие технические новинки: айфоны, айподы последней модели... Часто общался со знакомыми по скайпу, через инет-телефонию, пользовался поисковой системой MSN, имел страничку в «Фейсбуке»... Продвинутый сорокалетний мужик, так сказать...

– Удалось что-нибудь разузнать насчет его отношений с Валери Дюпре, этой нашей журналисткой-следаком?

– Кое-что удалось. Они не жили вместе, но при этом почти не расставались, виделись так часто, как только могли. Ходили куда-то вдвоем, бывали на вечеринках, встречали вместе Новый год... Шесть или семь месяцев назад Валери Дюпре стала показываться с Гамбленом гораздо реже, а потом уже никто из его друзей журналистку вообще не видел. Причем, если Кристофа спрашивали, куда делась подружка, он, как говорят друзья, напускал на себя таинственный вид.

Но в общем-то, все знали, что Дюпре пишет книгу, – правда этой информацией и ограничиваясь: что за книга, никому и по сию пору неизвестно. Журналистка не давала воли своим чувствам и не распускала язык, была, скорее, не просто скрытной, необщительной, а еще и сильно недоверчивой.

– И что? Вообще никаких сведений об этой пресловутой книге?

– Практически ничего, времени-то было с гулькин нос. Но что точно – тема книги для всех как оставалась, так и остается тайной. Может, Дюпре боялась, что ее украдут, эту тему? И еще я знаю наверняка, что в прошлом она расследовала всякие жареные факты, запросто пользовалась чужими именами и умела защищаться. Кое-кому из ее близких известно, что у Валери есть фальшивые удостоверения личности. Вероника Дарсен существует на самом деле, живет в Руане, ровесница Дюпре, но она понятия не имела, что кто-то узурпировал ее имя.

– В квартире Валери Дюпре не удалось найти ничего относящегося к книге, – добавила Люси. – Ни документов, ни записей... Либо она все унесла с собой, либо это забрал взломщик.

– А я кое-что обнаружил, – заявил Паскаль Робийяр и откашлялся. Его спортивная сумка стояла позади, в углу комнаты. – Я сосредоточился в основном на банковских счетах. Если сопоставить их с запросами на визы иностранных государств, открываются интересные вещи...

Он порылся в горе бумаг с приклеенными к ним разноцветными полосками. Отдельные строки на каждом листе были либо подчеркнуты, либо выделены маркером. Люси никогда не могла понять, как Паскалю удается ориентироваться в этих бюрократических лабиринтах.

– Главное еще впереди, и надо будет повозиться с сотнями данных, но я начал с самого очевидного – с крупных расходов и операций с использованием банковского счета – и нашел следы обналички больших сумм. Дюпре бронировала билеты на авиарейсы, оплачивала гостиничные счета и аренду автомобилей. В двух городах Перу, Лиме и Ла-Оройе, она брала машину напрокат в апреле одиннадцатого года, затем, в июне, в двух китайских городах – Пекине и Линьфэне... А потом она отправилась в США: в Ричленд, штат Вашингтон, и в Альбукерке, штат Нью-Мексико. Это последнее из ее путешествий, которые удалось выявить, состоялось в конце сентября все того же одиннадцатого года. Обычно поездки в каждую страну длились от двух до трех недель.

Белланже законспектировал услышанное в уголке белой доски:

– Очевидно, все эти перелеты имели отношение к ее книге. Ты успел копнуть в этом направлении?

– Нет, пока не успел. Я в жизни не слышал об этих городах, понятия не имею, что там может находиться, но, конечно, займусь ими. А сейчас продолжу: значит, с конца сентября – уже никаких путешествий. Дюпре получила индийскую

визу на ноябрь, но, похоже, ею не воспользовалась.

– Видимо, во время поездки в Соединенные Штаты или вскоре после нее произошло нечто такое, что заставило журналистку отказаться от прежних планов?

Робийяр пожал плечами:

– Годятся любые гипотезы. Да! Вот еще одна любопытная подробность: все последнее время Дюпре вроде бы расплачивалась только наличными. В последний раз она сняла с карточки довольно крупную сумму – три тысячи евро – в одном из банкоматов Восемнадцатого округа четвертого декабря. После чего, не желая, наверное, оставлять никаких следов, ушла на дно, как подлодка, и это доказывает, что девушка занималась чем-то весьма серьезным.

Белланже продолжал делать записи черным маркером на белой доске, распределяя важную информацию по колонкам:

– Четвертого декабря... Три тысячи евро... О'кей... А потом?

Робийяр показал выписку из счета с пометкой наверху «12. 2011»:

– Потом ничего. Только что получил из ее банка вот эту выписку. Стало быть, обналичивание денег четвертого декабря – последняя банковская операция Дюпре. Дальше – тишина.

Члены команды молча переглянулись: им было понятно, что означает эта фраза. Белланже снова обратился к своему

главному аналитику и специалисту по сопоставлению данных:

– А насчет телефонных звонков?

– Телефон, телефон... Хм... Тут вообще начать и кончить... Правда, одна плохая новость уже имеется: найденные у Дюпре симки погублены-таки влагой окончательно, из них ничего не вытащишь. Стало быть, она могла обзванивать весь мир, постоянно меняя телефоны, но нам об этом никак не узнать. Когда в начале одиннадцатого года журналистка взяла годичный отпуск, она вернула в редакцию свой служебный мобильник. Иначе говоря, в области сотовой связи нам ничего не светит: Дюпре перешла там в разряд призраков.

– А родные, друзья – должны же они были хоть каким-то образом общаться с Валери! Да и Гамблен, в конце-то концов...

– Думаю, все ей звонили на домашний телефон. Или она им. Или они пользовались в этих случаях интернет-телефонией – скажем, через скайп. Это удобно, бесплатно, и не остается никаких следов. Если нам повезет, может быть, окажется, что она давала номера своих телефонов – тех, погибшие симки которых мы нашли, – близким, и тогда мы получим списки всех звонков на эти номера у провайдеров. – Шелест бумаги. – Что касается нашей жертвы из морозильника, тут у меня не хватило времени особо продвинуться вперед. Гамблен был клиентом SFR, я уже запросил там бо-

лее точную информацию о его звонках, а еще успел записать несколько номеров, чаще всего фигурировавших в его счетах: их проверю в первую очередь. Это явно номера родных или друзей, ну и есть шанс, что среди них окажется хотя бы один из номеров-фантомов Дюпре.

– За границу он звонил?

– По первому впечатлению – нет. Но вы, наверное, понимаете, задача непростая, работы на много часов, придется перелопатить все бумажки, связаться с владельцами номеров, допросить их... Многовато для одного человека.

Это был скорее пробный камень, чем утверждение; Никола Белланже понял, куда гнет подчиненный, и согласился:

– Хорошо, я попрошу людей нам на подмогу. Попрошу объявить розыск, подключить Управление поиска пропавших без вести...²⁵ Думаю, можно будет подобрать тебе одного-двух помощников.

– Супер! От таких предложений не отказываются!

Руководитель группы сверился со своими заметками и вернулся к разговору с сотрудниками:

– Ладно... Франк, Люси, что у вас?

Полицейские поделились новостями: неизвестный ребенок в тяжелом состоянии в кретейской больнице, протоколы вскрытия и таинственное дело со страниц четырех архив-

---

²⁵ Это управление входит в состав Службы по борьбе с уголовными преступлениями, работают в нем 18 полицейских и 4 жандарма, руководит – комиссар полиции. – *Примеч. авт.*

ных номеров «Высокой трибуны». Люси высказала их общую с Шарко гипотезу: возможно, именно тот человек, который убил как минимум двух женщин и попытался утопить еще двух (самое раннее дело – почти одиннадцать лет назад, самое позднее – почти восемь), теперь занялся Гамбленом.

– Серийный убийца, – вздохнул Белланже. – Только его нам и не хватало! – Капитан полиции снова просмотрел заметки на доске, глянул на часы. – Время летит слишком быстро. Если бы нам надо было подвести первый итог всего сделанного, что бы можно было сказать?

Первой взяла слово Люси:

– Два журналиста ведут каждый свое расследование, в обоих случаях речь о вещах сугубо серьезных. Гамблен сосредоточился на странной имитации утоплений, а Дюпре... не знаю, на чем Дюпре... Один из журналистов погиб, другая исчезла. Если мы оставим в стороне возможность случайных совпадений, а, наоборот, примем во внимание дружеские отношения между журналистами, напрашивается вывод, что два расследования как-то связаны...

– Два расследования, а между ними еще и мальчишка, – добавил Шарко. – Мальчишка, о котором известно, что он контактировал с Валери Дюпре и что серьезно болен. Это все.

– Ну и убийца-садист, который будто со дна озера поднялся... – уточнил Белланже.

Минут через двадцать начальник отпустил свою коман-

ду, каждый член которой точно знал, чем ему заниматься в ближайшее время. Робийяр продолжит знакомство с подтвержденной документами информацией о главных действующих лицах. Леваллуа будет руководить опросами ближайшего окружения Гамблена. Люси вызвалась найти и допросить двух чудесно спасшихся «утопленниц», после чего свяжется с Гренобльской уголовной полицией, а Шарко настоял на том, что останется пока на месте и сходит узнать, что нового у токсикологов, и разобраться, есть ли какие подвижки со следами ДНК.

Все принялись за работу, и все отлично сознавали, что конца ей не видно.

Лиз Ламбер, Амбрен...

Люси легко отыскала адрес и домашний телефон женщины, найденной в озере в январе 2004 года и возвращенной к жизни. Она набрала номер; отозвалась, судя по голосу, пожилая дама, которая сообщила, что Лиз Ламбер продала дом еще в 2008 году и переехала куда-то поближе к столице. Пришлось немножко на даму надавить, и той удалось вспомнить название города – пусть не слишком уверенно, но вспомнить. Рюэй-Мальмезон. Остальное было делом техники: Люси пошарила в Интернете и довольно скоро обнаружила точный адрес Лиз Ламбер.

Найдя адрес, она сразу же попрощалась с Шарко, уткнувшись в свой компьютер, и вышла из комнаты, а потом и из здания уголовного. У входа во двор дома 36 она заметила кучку полицейских – ребята развлекались, наблюдая за рабочими мэрии, которые прикрепляли к стене новую табличку «Набережная Орфевр, 36». Время от времени эту табличку похищали, а на этот раз похититель ухитрился еще и вывести из строя камеру видеонаблюдения.

Люси подошла к своему припаркованному в уголке малышу «Пежо-206». Они с Франком иногда ездили на набережную Орфевр каждый на своей машине: это обеспечивало им в течение дня свободу передвижений и избавляло от необ-

ходимости просить машину на работе – служебных «рено», «фольксвагенов» и «фиатов» всегда не хватало.

Час езды по оказавшимся более или менее свободными дорогам – и она у цели.

Лиз Ламбер жила в небольшом и довольно неказистом домишке – ячейке в ряду точно таких же, объединенных общими стенами между ними: узкий оштукатуренный фасад, кровля, которую явно пора чинить... Дверь оказалась заперта. Соседка объяснила, что хозяйка дома работает в большом магазине, торгующем садовым инвентарем, – он на выезде из города, близ дороги N13.

Очутившись перед Лиз Ламбер, Люси поняла, что нервничает. Высокая темноволосая сорокалетняя женщина со светло-ореховыми, почти янтарными глазами, одетая в толстую зеленую куртку с эмблемой магазина и в зеленых митенках, явно принадлежала к тому же типу, что известные ей по делам коллег из провинции «утопленницы».

Лиз была занята маркировкой мешков с парниковой землей и песком в холодном отсеке. Люси окликнула ее, представилась: лейтенант Парижской уголовной полиции. Ламбер растерялась, прекратила ворочать мешки.

– Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов в связи с расследованием, которое мы сейчас ведем, – сказала Люси.

– Хорошо... вот только не пойму, чем могла бы вам помочь...

Люси быстро стянула с себя перчатки, порылась в кармане и вытащила копию фотографии Кристофа Гамблена с Валери Дюпре:

– Прежде всего скажите, знаком ли вам кто-то из этих двоих?

– Да. Вот этого мужчину я уже видела. Он приходил сюда дней десять назад.

Люси, довольная, спрятала снимок. После работы в архиве «Высокой трибуны» и поездки в Гренобль Кристоф Гамблен побывал здесь. Логично.

– Зачем он приходил?

– Поговорить со мной о... Но что, собственно, случилось?

– Мы нашли его убитым, а эта женщина, его подруга, исчезла.

Лиз отложила аппарат, который отделял самоклеящиеся этикетки со штрихкодом от рулона и наклеивал их на мешки, и по тому, как она это сделала, было видно, что женщина разволновалась. Люси не раз замечала: известие об убийстве, кого бы ни прикончили, для людей как удар по голове...

– Ну так? – спокойно продолжила она допрос.

– Этот человек сказал, что собирает информацию для статьи о переохлаждениях, он спрашивал, при каких обстоятельствах со мной произошел несчастный случай в две тысячи четвертом году... Я ему рассказала.

Статья о гипотермии... Тот же предлог он использовал, когда явился к гренобльскому судмедэксперту. Никаких со-

мнений в том, что Гамблен лгал, желая скрыть истинную причину своего визита, у Люси не было, но она сделала вид, будто поймалась на удочку, и продолжила:

– Расскажите-ка мне тоже о своем чудесном спасении из замерзшего озера, хорошо?

Лицо женщины приобрело странное выражение, которое Люси истолковала как глубинный страх. Лиз на мгновение застыла, но сразу же опомнилась, подошла к двери склада, закрыла ее и вернулась. В помещении, выходявшем прямо в оранжерею, было очень холодно, и посетительница обхватила себя руками, чтобы согреться.

– Да-да, именно так, чудесное спасение... Я тогда вернулась издалека... Скоро уже восемь лет тому – как время-то летит... – Женщина вынула платок и промокнула каплю на кончике носа. – Ладно, повторю вам то же, что сказала журналисту. Когда я очнулась в больнице, то ничего не поняла: где я? почему? Доктор объяснил, что меня выловили из озера Амбрен... что я целых десять минут была физически мертва. Десять минут у меня не билось сердце. Ужас ведь – такое услышать! Услышать, как говорят: вас уже не было на этом свете, вы были *за чертой*.

Она подняла к потолку свои ореховые глаза и постаралась незаметно постучать по краю деревянного стеллажа. Суеверная, подумала Люси. Хотя, с другой стороны, попробуй не стать суеверной после того, что пришлось пережить...

– Но я ничего не помню о смерти, ничего. – Лиз пожалала

плечами. – Никакого туннеля, никакого белого света, никакого выхода из тела, или как это называется... Одна чернота. Самая черная, самая кошмарная чернота, какую только можно представить. По мнению доктора, я не должна была выжить, но обстоятельства сложились так... так, что я выжила.

– Какие обстоятельства?

Изо рта собеседницы Люси вылетело облачко пара.

– Ну, во-первых, холод. Когда я упала в воду, стресс для организма – доктор назвал это «термический шок» – получился такой сильный, что организм, естественно, тотчас замедлил свою работу. Кровь, он говорил, сразу же ушла с периферии и прилила к главным органам: сердцу, мозгу, легким. В некоторых случаях, пока еще не нашедших объяснения, имеет место феномен почти мгновенного погружения организма в зимнюю спячку. По мере того как температура тела снижается, клетки потребляют все меньше и меньше кислорода, сердце сокращается все реже и реже, иногда и вовсе останавливается, а мозг, чтобы избежать разрушения, начинает работать на своих запасах и очень медленно. Это я вам пересказываю объяснения, которые получила тогда сама...

Люси пыталась хоть что-то записать замерзшими пальцами.

– Но вы сказали «обстоятельства», во множественном числе. А какие же еще?

– Да, обстоятельства. Второе, можно сказать, необъясни-

мое. Упав в воду, я должна была бы в последнее мгновение инстинктивно вдохнуть. Так случается обычно, так делают все люди, из-за чего они и тонут. Если бы и я так сделала, вода попала бы в мои дыхательные пути, и я бы задохнулась. Но я не утонула! А это означает, что я не могла вдохнуть, потому что у меня произошла бессознательная остановка дыхания, доктора называют ее апноэ. И такое бывает, когда человек попадает в воду без сознания, ну, когда, например, его сильно ударят, оглушат ударом.

– Так, может быть, на вас напали, оглушили?

– Нет, при осмотре в больнице у меня на теле не оказалось ни единой царапины, ни единого синяка.

– Наркотики?

– И в крови ничего не обнаружили. – Лиз, глядя в пространство, покачала головой. – Знаю, всего этого не понять, но именно так и было. А третье и последнее обстоятельство – телефонный звонок. На станции скорой помощи записали, что звонок к ним был в двадцать три ноль семь, а из воды меня вытащили в двадцать три пятнадцать. Понятия не имею, в котором часу я в озеро свалилась, но без этого звонка, вполне возможно, мы бы сейчас с вами не разговаривали...

– Кто звонил, известно?

– Нет, его так и не нашли. Известно только, что звонок был из телефона-автомата, находившегося метрах в пятидесяти от озера. Совсем рядом с тем местом, где меня выловили.

Люси лихорадочно соображала:

– Там это единственный телефон-автомат?

– Единственный.

– А почему ваш телефонный спаситель не попытался сам вытащить вас из озера?

– Да кто ж станет прыгать в заледеневшую воду, вряд ли вы такого отыщете! Голос был мужской, а сказали вот что: «Поторопитесь, кто-то тонет в озере». Скорая записала этот звонок на пленку, и, когда мне дали прослушать запись, было так странно... Ведь этот человек говорил обо мне! Это я тонула! Сами посудите, если бы он сам на меня напал или сам толкнул меня в воду, зачем же было сразу бежать и звать на помощь?

Люси записала время и все остальное. История Лиз выглядела, на ее взгляд, совершенным безумием.

– Мне кажется, вы не помните, почему оказались в воде, так? – уточнила Люси. – Как вы попали на берег озера? Что вы вообще помните – последнее?

Лиз Ламбер сняла митенки и аккуратно положила одну на другую.

– Тот журналист тоже меня об этом спрашивал. И отвечу я вам так же, как ему. Я смотрела телевизор, рядом сидела моя собака. Все. Между этой минутой и той, когда я очнулась в больнице, огромная черная дыра. Врачи сказали, что амнезия, возможно, стала следствием состояния, в котором пребывал мой организм после погружения в воду. Резкое снижение потребления кислорода помешало последним

воспоминаниям отложиться в памяти... в мозгу. Наверное, я попросту забыла, что было со мной перед тем, как упала в воду, несколько часов выпали из памяти. – Она посмотрела на часы, и стало понятно, что теперь ей уже хочется, чтобы от нее отстали. – Полдвенадцатого... В двенадцать пятнадцать я должна встать за кассу в магазине. Только-только успею пообедать. Но это, в общем, и все. Больше рассказать вам нечего. И тому журналисту я столько же рассказала.

Однако у Люси вовсе не было желания останавливаться на достигнутом, и она не пошевелилась.

– Погодите! Значит, вы были у себя дома, смотрели телевизор. Каким же образом вы могли очутиться в озере? Сами-то вы что думаете?

– Иногда я гуляла по берегу с собакой, даже и зимой, и по вечерам. Может, и в тот раз. Гуляла, поскользнулась, упала... Может, даже и стукнулась, а что следов не осталось, так у меня тогда были длинные волосы и...

– Вашу собаку нашли где-то там поблизости? Бродила по берегу?

– Нет, сидела перед нашим домом. – Лиз пожала плечами. – Люди в ту ночь, после несчастного случая, входили туда, выходили... Родители приезжали за вещами – передать мне в больницу...

– А тот, кто позвонил в скорую... Вы считаете, кто бы это мог быть? Может, какой-нибудь посторонний человек подходил к вам за несколько дней до происшествия? Не случа-

лось ли в это время чего-то такого... необычного, о чем вы могли бы мне рассказать? Это очень важно!

Женщина покачала головой:

– Ну вот, сначала этот журналист, теперь вы... Да что вам всем от меня нужно? Говорю же: ничего не помню!

Люси нервно постукивала кончиком ручки по блокноту. Ей не удалось узнать ничего существенного, она услышала лишь чуть дополненный вариант заметки из хроники происшествий. И она решила разыграть последнюю карту.

– Дело в том, что были и другие... – сказала она.

– Какие другие? Вы о чем?

– Были жертвы. Женщина, которую вытащили из Волона, это в Верхних Альпах, неподалеку от курорта Динь-ле-Бен. За год до вашего случая с ней произошло в точности то же самое и при тех же обстоятельствах: упала в полузамёрзшее озеро, кто-то позвонил в скорую, чудесным образом воскресла из небытия... А кроме нее, еще две женщины, чуть постарше тридцати, брюнетки со светло-кариими глазами, – их обеих нашли мертвыми, одну в две тысячи первом, вторую в две тысячи втором. Обе они были похищены из дому, где их отравили, потом брошены в ледяную воду озера – так же, как у вас, поблизости от места, где они жили.

Служащая магазина садового инвентаря, уставившись на Люси, кусала губы. Люси спросила:

– Вам ведь это было известно, да?

Женщина резким движением застегнула доверху молнию

на куртке. Молния при этом взвизгнула.

– Ладно. Пошли в буфет. Мне надо рассказать вам, как рассказала тому журналисту, о своих кошмарах.

Сразу после совещания Шарко сел за компьютер.

Вот уже и Люси отправилась к Лиз Ламбер, вот уже и все остальные разошлись по своим делам, а комиссар все блуждал по Сети.

Но пробил и его час. Он записал на клейкой бумажке адрес и сунул ее во внутренний карман, распечатал на принтере несколько бланков с найденного им сайта, свернул их трубочкой и отправил вслед за бумажкой с адресом. Еще через несколько минут он заглянул в секретариат, где взял конверт с воздушной подушкой, а потом направился в лабораторию научной полиции, которая тоже располагалась на набережной Орлож – в какой-то сотне метров от дома 36.

Он обошел там несколько отделов, повидался со специалистами. Графологи подтвердили, что записка, найденная в кармане у мальчика, написана Валери Дюпре. Токсикологические анализы проб, взятых при вскрытии, пока не дали ничего интересного, равно как и отпечатки, обнаруженные в квартире Гамблена: все «пальчики» принадлежали жертве. Что касается следов ДНК, то их упорно искали, исследуя сантиметр за сантиметром все вещи Гамблена, – кропотливая работа, требующая много времени.

В конце концов Шарко добрался до отдела, который работал с документами и оставленными на месте преступления

следами. Франк был знаком со здешним старшим лаборантом Янником Юбером, поэтому подошел прямо к нему и, поздоровавшись, передал полиэтиленовый пакетик с листком, отклеенным от контейнера для мороженого:

– Можешь что-нибудь тут отыскать? Ну, не знаю... каким клеем намазали, что за бумага, что был за тип принтера... Только учти: это дело совершенно личное!

Юбер кивнул, пообещал сделать все побыстрее, и Шарко удалился из лабораторного корпуса без каких-либо новых сведений, зато с наборчиком для проб слюны и латексными перчатками в кармане. Сел в машину, включил зажигание, тронулся с места. Он ехал, внимательно осматривая все вокруг, переводил взгляд с зеркала заднего вида к окну, рассматривал проезжавших на скутерах и проходивших мимо людей... Психопат вполне мог быть одним из них.

Убедившись, что на этот раз никто за ним не следит, он поставил машину на нижнем уровне подземной стоянки около бульвара Пале, подальше от камер видеонаблюдения, достал из багажника пробирку со спермой и заперся в салоне автомобиля. Там он быстро натянул перчатки, открыл стерильный пакетик, в котором лежали две палочки с накрученной на них ватой для взятия мазка, обмакнул ватные кончики в сперму так, чтобы они хорошенько пропитались белесой слизью, вынул, положил палочки в специально приспособленный для них конверт, запечатал его и поместил в пузырчатый – с воздушной подушкой.

Обычно уголовка работала с Государственной лабораторией научной полиции в Париже, а иногда, если так было удобнее для дела или парижская была завалена работой по горло, – и с частной, в Нанте. Конечно, Шарко мог бы найти возможность передать свои образцы спермы вместе с другими пробами в одну из этих лабораторий, но все-таки это было слишком рискованно. Все, что передается туда на анализ, непременно регистрируют, всякий раз требуется подтверждение, не говоря уж о проблемах с оплатой счета... Ничего, не беда, ведь существует куда более простой и безопасный способ – можно воспользоваться услугами одной из независимых генетических лабораторий, их в Интернете видно-невидимо...

Шарко выбрал «Бенельбиотек», бельгийскую лабораторию неподалеку от французской границы, – частную фирму с хорошей, насколько ему было известно, репутацией. Работает она шесть дней в неделю, может по образцу слюны, спермы, по кожным чешуйкам, по волоску с головы или откуда-нибудь еще с тела, да по чему угодно, лишь бы там содержалось достаточно ДНК, составить генетический профиль человека. Анонимность гарантируется, ответ через двадцать четыре часа мейлом или почтой. Получив его, Шарко останется только сравнить выявленный «Бенельбиотеком» профиль со своим, зарегистрированным в НАКГО.

Еще сидя в кабинете уголовки, комиссар скачал с сайта «Бенельбиотека» бланк, набрал в оставленных для этого

пробелах «образец № 2432-S» плюс все данные для регистрации заказа и номер своего мобильного, распечатал, а теперь он засунул распечатку бланка туда же, в конверт с пузырьками, наконец его заклеил и сразу же отправил письмо в Бельгию через Хронопост. Остается только набраться терпения: о том, что результаты исследования готовы и могут быть высланы мейлом на адрес, который он специально для этого придумал, его известят эсэмэской, результат должен прийти в понедельник в течение дня. Ну да, а четыреста евро он переведет им – тоже с помощью Интернета – ближе к вечеру...

Белланже ввалился в комнату группы, когда Франк, вернувшись к компьютеру, добавлял в учетную запись своей электронной почты новый адрес. Естественно, тот самый, фальшивый: бессмысленную последовательность букв и цифр с окончанием «@yahoo.com».

Шеф был явно расстроен:

– Очень плохая новость. Мне сейчас сообщили из комиссариата Мезон-Альфора, что мальчишка пропал...

– Как это пропал?

Никола Белланже присел на край письменного стола:

– Вчера около десяти вечера медсестра больницы заметила в одном из коридоров тепло одетого – толстая куртка цвета хаки, черные брюки, шапка, перчатки – мужчину, лицо которого было замотано шарфом. Мужчина нес на руках ребенка и, прежде чем сбежать по лестнице и скрыться, успел

как следует двинуть локтем в лицо этой самой медсестре, стоявшей у него на пути.

Шарко шепотом выругался. Всегдашняя проблема муниципальных больниц – все двери настежь, и днем-то охраняются кое-как, а ночью так вообще... Туда может зайти кто угодно, кто угодно может бродить с этажа на этаж, кто угодно, воспользовавшись занятостью... или халатностью персонала, может войти в любую палату.

– Версии какие-нибудь есть?

– Пока никаких. Тремор из местной полиции поехал в больницу, хотя медсестра, которую «посетитель» сильно ударил по лицу, толком его не разглядела и показания брать практически не у кого. Местная полиция объявила особый уровень тревоги – «Тревога: киднеппинг», – но фотографии ребенка у них есть лишь те, что были сделаны накануне, когда мальчика нашли, а о похитителе вообще никакой информации, только описание одежды. Да, еще! Тремор сказал, что в лаборатории сделали анализ крови с бумажки, обнаруженной в кармане малыша, и это оказалась кровь Валери Дюпре.

– Значит, она была ранена, когда писала...

Шарко откинулся на стуле, уставился в окно. Однажды мальчонке удалось сбежать от палача, но теперь ему придется пережить те же муки заново...

Комиссар точно знал: надежды на то, что повезет, больше нет.

Люси и Лиз Ламбер нашли тихое местечко на этаже, где располагалась закусочная. Обедать было еще рано, но Люси воспользовалась случаем и заказала себе вполне «диетический» набор из жареной картошки, чизбургера и колы. Простых запахов теплого хлеба и горячей говяжьей котлетки оказалось достаточно, чтобы мгновенно пробудился аппетит.

Когда они шли вверх по лестнице, Люси попробовала раздобыть еще немного информации о Кристофе Гамблене. Как Лиз считает: не опасался ли журналист чего-нибудь? Нет, ничего нового узнать, увы, не удалось: приезжий, по мнению несостоявшейся утопленницы, держался вполне естественно и спокойно, говорил, что собирает материал для очередной статьи. Как обычно.

Собеседница Люси машинально развернула сэндвич – привычные жесты, каждый день одни и те же, да и дни похожи один на другой, как близнецы, – и сама вернулась к теме, которая интересовала лейтенанта Энебель:

– Первый раз это случилось три года спустя после несчастного случая – в две тысячи седьмом, до того были только какие-то мимолетные воспоминания, такими вспышками... И вот когда начались эти мучительные кошмары, – женщина вздохнула, – мне захотелось во что бы то ни стало обратиться

подальше от Амбрена, от озера, от... от гор... А тут не сразу привыкла, трудное было время... – Она не сводила ореховых глаз с Люси и перемежала фразы долгими паузами. Господи, эти глаза видели смерть вблизи, наверное, тогда и потеряли свой природный блеск... – Я очень хорошо помню, как все началось. Была середина лета, стояла ужасная жара. Дом у меня был старый, случился засор, и надо было прочистить трубу, а для этого – пойти в глубину двора, к сточной яме... Простите меня, если у вас пропадет аппетит, потому как то, что я собираюсь рассказать, не... не очень...

– Ничего, не беспокойтесь.

– Короче, я собиралась вылить в сточную яму каустик, которым промывала трубы, чтобы убрать оттуда всю грязь, ну а когда приподняла крышку, оттуда пошел очень сильный запах тухлых яиц, и я... Даже и не знаю, как бы это лучше объяснить... помню, я упала там, рядом с этой крышкой, прямо на землю, почти без сознания... Можно было бы подумать, будто это от жары или вони из стоков, но дело было совсем не в том. Передо мной поплыли, одна за другой, картинки, каких я сроду не видела... Картинки эти впечатывались в меня так, будто их внутрь молотком вбивают, будто силой втискивают... И с того дня они стали меня преследовать, почти каждую ночь приходили ко мне в страшных, страшнее некуда, кошмарах...

Люси отложила едва надкушенный чизбургер, наклонилась вперед и слушала во все уши.

– Запах тухлых яиц пробудил в вас вытесненные воспоминания, как мадленка у Пруста...

– Вот-вот. Я сразу же поняла, что ощущала именно такой запах в тот вечер, когда упала в озеро, за три года до промывки труб. У меня появилась уверенность в этом.

Теперь Люси была убеждена, что напала на след. Связь между двумя убийствами и двумя мнимыми утоплениями бросалась в глаза: пресловутый запах сероводорода, особенный, ни с каким другим не спутаешь.

– В тот вечер вы сидели на диване с собакой, смотрели телевизор, да? Откуда же было взяться этому запаху?

– Не знаю, нет, правда не знаю! Он был вокруг меня... И во мне, *внутри!*

Люси вспомнила, что говорил о сернистом водороде судмедэксперт. В больших дозах этот бесцветный газ убивает, но, если вдохнуть его всего разок, причем низкой концентрации (так он, кстати, ужаснее всего и воняет), просто потеряешь сознание. К тому же наличие его в организме выявляется с трудом, вот почему в сделанных Лиз Ламбер в больнице анализах крови и не было ничего особенного. Может быть, убийца воспользовался сульфидом водорода как своего рода наркозом и для того еще, чтобы жертва не наглоталась воды в озере? Но зачем ему все это понадобилось, зачем?

– Расскажите мне о ваших кошмарах. Что именно за картинки вас преследовали?

– Всегда одни и те же. Кто-то бьет в барабан. Я узнаю за-

ставку передачи, которую смотрела в тот вечер. Потом... потом на стене гостиной появляется тень и пляшет там... на стенах пляшет, на потолке... Эта тень то растет, то уменьшается, она вертится вокруг меня и ужасно меня пугает... Как будто рядом злодей или типа того...

– А кто-нибудь мог проникнуть в ваш дом? Кто-то чужой?

– Я и сама об этом думала. Нет, никто не мог. Я всегда запираю дверь на ключ, это у меня вроде мании. Замок никто не взломал, даже не поцарапал. Все ставни как были закрыты, так и остались. Без ключа в запертую дверь не войдешь... Ну и потом, собака же наверняка бы залаяла!

– А если вашу собаку первой вывели из строя? А если у кого-нибудь был ключ от вашего дома?

– Нет-нет. Ни у кого никогда не было ключа от моего дома!

– Вы никогда не теряли ключей? Никогда не делали дублей?

– Нет. И журналисту так сказала. Нет и нет, категорически.

– Хорошо. Продолжайте, пожалуйста.

Лиз машинально царапала ногтем стол. Люси чувствовала, как трудно ей говорить.

– Потом все так смутно, ну, как в любом кошмаре... Я уже не в гостиной, а «там». Мне кажется, я плыву в черноте и вижу перед собой два огромных глаза, которые время от времени мигают... Точнее, эти два прямоугольных глаза бьют

светом мне в лицо каждые пять секунд. Потом мое тело приземляется, и я оказываюсь на чем-то мягком, таком... плотном. Может быть, это простыни... Много-много простынь, десятки, сотни белых простынь, и они окутывают меня как саван. Мне чудится, будто я умерла и меня хоронят. Подо мной, вокруг меня... что-то гудит и грохочет – такой непонятный, металлический, резкий звук, трудно его описать... А потом все прекращается, и на меня обрушивается громадный водопад. И как будто вода хлещет прямо с черного неба, затопляет меня, я захлебываюсь в ней... И у меня начинается агония, и я чувствую, что умираю, и я... – Лиз крепко вцепилась в свой картонный стаканчик с колдой, тряхнула головой. – ...И все! Тут кошмар обрывался, и я каждый раз просыпалась в своей постели, задыхаясь и вся в поту. Это было ужасно, и просто счастье, что теперь уже эти видения меня не преследуют.

Лиз потеряла ладони одну о другую. Люси пыталась понять, в чем смысл ее кошмаров, но разгадать их не получалось. Она все записала и решила сменить тему:

– Вы знаете такую горнолыжную станцию – Гран-Ревар?

– Конечно знаю, – помолчав, ответила Лиз. – Я несколько раз там бывала, когда еще каталась на лыжах, но потом бросила их окончательно. За год до того, как тонула в озере.

Люси сделала в блокноте еще одну запись. Теперь у нее появилась ниточка, на этот раз она была почти уверена: именно там, на лыжной станции, убийца тем или иным спо-

собом добывал ключи от домов своих будущих жертв.

– Наверное, вы останавливались в отеле? В каком – помните?

– Помню. В «Барм».

– А в «Ле Шанзи» – никогда?

– Нет-нет. Только в «Барм». Я уверена.

Люси записала название гостиницы. Она была разочарована: ниточка ускользала, связь между жертвами терялась – во всяком случае, здесь. Она минутку подумала и задала еще несколько вопросов насчет пребывания на горнолыжной станции – нет, в ответах снова никаких зацепок.

Вскоре Люси выдохлась, пришла к выводу, что из упрямой Ламбер больше уже ничего не вытянешь. Оставалось только распрощаться, но она не хотела уходить побежденной, она не могла бросить след, едва на него ступив. Теперь уже нет пути назад.

Она зацепилась за слово «бросить», и слово это навело ее еще на один вопрос:

– Вы сказали «пока не бросила лыжи окончательно»... А почему вы бросили лыжи? Из-за чего-то? Из-за кого-то?

Лиз подняла рукав свитера, показала длинный шрам:

– Я сломала локоть на «черной» трассе. Знаете, что такое «черная» трасса? Трасса самой высокой сложности... Натерпелась тогда страху, как никогда в жизни, и зареклась становиться на лыжи.

Так. Люси насторожилась. Теперь, кажется, в яблочко.

– С этим переломом вас, должно быть, отправили со станции в больницу?

– Ну да... Как ее... хм... А-а, вот! Мне кажется, клиника называлась «Солнечные склоны», это в Шамбери.

Люси записала и обвела кружком название клиники. Постаралась припомнить страницу дорожного атласа: Экс-ле-Бен, а прямо под ним – Шамбери, самый центр района, в котором действовал убийца. Она достала мобильный.

– Скажите, а Кристоф Гамблен вас об этом спрашивал?

– Нет, вроде нет...

– Я сейчас вернусь.

Она вышла на улицу, набрала номер Шене и, поздоровавшись, сразу же перешла к делу:

– Я насчет двух жертв из озера. Помнишь те факсы, ну, присланные из Гренобля?

– Ух ты! Я как раз собирался сам тебе звонить насчет того же! У меня новость. Но давай сначала выкладывай, что там у тебя... Есть какие-нибудь подвижки?

– Вроде бы есть. Только, к сожалению, нет перед глазами протоколов аутопсии. Можешь быстренько сказать, были ли у жертв отмечены какие-нибудь переломы или другие повреждения, характерные для горнолыжников?

– Сейчас гляну, подожди...

Люси слышала, как Поль шуршит страницами. Стоять на месте было слишком холодно, и, чтобы не заоченеть окончательно, она принялась ходить туда-сюда перед дверью за-

кусочной.

– Знаешь – были! Одна сломала ключицу, другая – ногу. Ну, это самые такие заметные травмы, тут отмечены и другие, менее значительные, причем много...

– А могли тамошние полицейские не обратить внимания на то, что обе жертвы побывали в свое время в одной и той же клинике?

– Конечно, – помолчав, ответил Шене. – Все лыжники падают, даже самые лучшие. Мой коллега отметил, что, судя по степени рекальцинации костной мозоли, ее созревания, перелом у одной женщины был за год до смерти, у второй – еще раньше. Короче, ребятам из Гренобля там не за что было зацепиться. В любом протоколе вскрытия больше шестидесяти страниц, ну и вы, полицейские, их ведь, как правило, только пролистываете, правильно? Думаешь, есть смысл покопать в этом направлении?

– Думаю? Не то что думаю – более чем уверена! Можешь проверить, в каких больницах лечили жертв после переломов? Случайно, не в «Солнечных склонах», это Шамбери?

– Увы, мне труднее, чем тебе, получить доступ к информации подобного рода, это же, считается, частная жизнь, так что патологоанатом тут вроде бы ни при чем... Хотя... хотя стой! Что-то такое я про «Солнечные склоны» слышал или читал... Большая клиника, да?

– Понятия не имею.

Люси услышала, как Поль щелкает мышкой.

– Ага, точно! – воскликнул Шене. – Вычитал сейчас в Интернете, что «Солнечные склоны» – медицинский центр, издавна славящийся своим отделением кардиохирургии. Туда то и дело приезжают на операцию из-за границы: итальянцы, швейцарцы... Тамошние врачи были первооткрывателями совершенно нового метода – холодовой кардиopleгии.

– А если попроще?

– Если совсем просто, то можно объяснить так: перед операцией в аорту больного вводят специальный, сильно охлажденный раствор, который вызывает быструю остановку сердца минут на двадцать – двадцать пять, – сама понимаешь, это сильно облегчает хирургическое вмешательство. А после операции температуру миокарда постепенно повышают, и омываемая теплой кровью сердечная мышца согревается...

Благодаря объяснениям Шене в голове Люси кое-что стало выстраиваться. Остановка сердца при охлаждении, возобновление работы сердечной мышцы при согревании... Смерть, жизнь, холод... Очень похоже на то, что произошло на озерах! Нет, такое нельзя списать на простое совпадение. Теперь Энебель и впрямь была почти уверена, что убийца работал – или даже работает? – в «Солнечных склонах». Вполне возможно, именно там он впервые и увидел своих будущих жертв: после несчастных случаев на лыжне. Интересно, а Кристоф Гамблен сумел напасть на этот след?

– Огромное спасибо, Поль! Но ты сказал, что сам хотел

мне позвонить?

– Хотел, да. От токсикологов пришли результаты анализов нашей жертвы из морозильника. Припоминаешь: у него в желудке и мочевом пузыре было много воды?

– Да.

– Так это оказалась соленая вода с невероятным количеством микробов и бактерий. Кроме того, в ней нашли микроскопические остатки кератина, чешуйки кожи и волоски нескольких разных особей...

Люси забыла о холоде. Раскрасневшаяся от мороза, она так и замерла посреди стоянки с прижатым к уху телефоном:

– Волоски разных особей?! Что это еще за хрень?

– Ну-у, не могу сказать со стопроцентной уверенностью, но сдаётся мне, что речь тут о так называемой святой воде...

– Святой?!

– Это только предположение, но его, на мой взгляд, вполне можно обосновать. В какой соленой воде случается обнаружить органические отходы, принадлежащие разным лицам?

– Фонтан? Море?

– В фонтанах вода пресная, а в морской воде полно других элементов. Нет. Возможно, это была вода из кропильницы или, еще вернее, из чаши, в которую люди окунают пальцы. Думаю, твой убийца заставил жертву наглотаться воды, предназначенной для изгнания бесов.

Люси сначала онемела, а когда голос вернулся, спросила:

– А в желудках других жертв? Тех, из озера? Там было что-то...

– Понимаю, куда ты клонишь. Вот только в протоколах ни о чем подобном нет ни слова. Ну ладно, пока! Кстати, я ведь вчера так и не послушал Мадонну, а жена концерт не записала. Как это пережить!

Шене отключился. Энебель, потрясенная услышанным, сломя голову помчалась наверх. Теперь еще и святая вода, изгоняющая бесов! Ой, лучше пока об этом не думать, лучше пока размять только что возникшую версию: все четыре «озерных» жертвы были связаны медицинским центром «Солнечные склоны» в Шамбери. Мотивы убийцы пока еще не ясны, но путь она выбрала, теперь уже совершенно ясно, верный.

Люси скинула в люк для мусора недоеденное, поставила поднос на столик для грязной посуды и поблагодарила Лиз.

Уф... Можно наконец запереться в машине, позвонить Никола Белланже, поделиться открытиями и сообщить, что теперь она намерена отправиться в Шамбери – продолжать расследование. Сообщила. Оказалось, руководитель группы считает, что сначала надо проанализировать ситуацию и, вероятно, подключить Уголовную полицию Гренобля, раз уж они первыми начали заниматься этим делом... Чтобы переубедить шефа, Люси пришлось использовать весь запас имевшегося у нее красноречия. Она хорошо знала, на какие аргументы напирать: если в Париже сами разберутся с делом,

Белланже укрепит свои позиции в глазах начальника уголовного. Еще она заверила Никола в том, что они, со своими находками, легко добьются 18-4, то есть санкции прокурора на отдельное требование, благодаря которому поле их деятельности уже не будет ограничено столицей и окрестностями и они смогут работать в том числе и в регионе Рона—Альпы, не привлекая до поры до времени гренобльских коллег. Пять минут спустя Люси с довольной улыбкой повесила трубку: партия была выиграна!

Правда, очень скоро сердце ее снова сжалось: ведь очень может быть, что ей придется собственными руками схватить убийцу, скрывающегося в горах уже больше десяти лет.

Люси говорила с Шарко, расхаживая по спальне квартиры в Аи-ле-Роз и попутно укладывая свои и Франка вещи в его кожаный чемодан. Чемодан был старый, с въевшейся грязью, зато на колесиках.

– Знаешь, я вполне могла бы справиться и в паре с Леваллуа. К тому же Гренобль отнюдь не на краю света...

Она засунула в кармашек на крышке гель от ушибов, которым регулярно мазала больную лодыжку.

– И потом, думаю, если тебя не будет рядом, Никола придется трудно, слишком уж у него сейчас много работы...

– «Никола» сам тебе это сказал?

Люси взглянула на него удивленно: ей не нравился такой тон, но в эту минуту лучше было смолчать.

– Нет, просто чувствуется, что ты ему нужен.

Шарко подошел к окну, постоял, заложив руки за спину, вздохнул:

– Положи побольше одежды, ладно? Всяко бывает: может оказаться, мы зря туда приехали, ничего завтра не узнаем... так хоть выходные проведем в Шамбери... Город красивый, приятный, и ничего другого мы все равно не планировали... Если, конечно, ты никому не пообещала вернуться к воскресенью.

Она нахмурилась – это было уже слишком.

– Что-то ты вдруг стал такой странный, Франк!.. То отпуск в Гваделупе, то уик-энд в Шамбери. Мы только-только сдвинулись с места, мальчишка пропал, и ты при всем при этом хочешь надолго уехать из Парижа? Зачем тебе так надо утащить меня подальше отсюда? А главное – бросить расследование... ух, как на тебя не похоже!

– Ничего я не бросаю. Просто напоминаю тебе, что, кроме нас, в команде есть еще люди. Думаю немножко о нас двоих, вот и все.

Окно, в которое смотрел комиссар, выходило на парк Розария. Уже смеркалось, деревья прогибались под тяжестью снега. Франк внимательно взгляделся в тротуары, потом повернулся и направился к гардеробной:

– Не забудь положить мой антрацитовый костюм и галстук, который к нему подходит. Я всегда их надеваю в торжественных случаях. А если нам повезет, если мы поймаем этого говнюка, случай будет именно такой.

Часом позже они уже были в пути. Ехать было не слишком весело. Хотя Шарко при свете тусклой лампочки углубился в «Фигаро», Люси чувствовала, что он страшно напряжен и что до него не достучаться. Франк был не таким, как обычно, что-то его мучило, преследовало, что-то не имеющее отношения к работе, к дознанию. Может, дело в ребенке – ну, не получается у них ребенок, никак не получается. Затронуто его самолюбие? А вдруг и на этот раз ничего не выйдет? Люси подумала, что пора, наверное, пройти более серьезное

обследование. Ей скоро сорок, вдруг она уже вообще не способна родить? Может быть, трагедия с дочками расстроила весь ее организм? И может быть, Франк на нее за это сердится, но не хочет признаться?

– Черт, черт, черт! Ничего не могу найти!

Шарко в сердцах сунул газету в бардачок, отвернулся к окну и вскоре задремал. Люси сосредоточилась на дороге, в темноте стали угадываться первые холмы предгорий.

Перед отъездом она хотела связаться с Амандиной Перлуа, второй «воскресшей утопленницей», которая вроде бы жила в Провансе, в каком-то маленьком городке. Каким образом на нее выйти, Люси пока не поняла, но, если понадобится, поедет и разберется на месте. Наверное, то же сделал в свое время и Кристоф Гамблен.

Путешественники наскоро заморили червячка в придорожной забегаловке на выезде из Лиона. Рубленое мясо, чуть теплые макароны, черствая выпечка – скот бы этим кормить, а не людей!

Когда настало время меняться местами, пришла очередь Шарко садиться за руль, вести машину оказалось сущей пыткой. Вынырнув невзвешенно откуда, шоссе заполонили автомобили с соотечественниками, дорвавшимися до уик-энда: нагружены под завязку, на крышах лыжи, внутри орут дети. Но это было не худшее. Последним подарком судьбы стала изморось, оседавшая каплями на ветровом стекле, утомлявшая глаза и, кажется, замерзавшая на асфальте. Температура

снаружи снизилась до минус одного, шоссе сделалось опасным, по всем трем полосам транспорт двигался со скоростью не больше пятидесяти километров в час. Наконец они добрались до гор, смутно белевших вершинами, и долго еще ехали по темному пространству, пока – примерно к полуночи – не достигли Шамбери. Городок напоминал большую кошку, свернувшуюся клубком на каменной подстилке.

Они вышли из машины, потягиваясь и разминая затекшие ноги. Холод был собачий, от сырости начало капать из носа. Отдел, который занимался в конторе командировками, забронировал им номер в гостинице с двумя звездами – да здравствует бережливость! – но Шарко воспользовался собственным бумажником и выбрал куда более уютную трехзвездочную, с видом на горы.

Оба они совершенно вымотались, потому, как только приняли душ и Люси помассировала лодыжку, отправились в постель, где наконец прильнули друг к дружке. Шарко ласково поглаживал шею подруги – Париж был далеко, мучившие комиссара тайны отступили, и он чувствовал себя куда лучше.

– Как хорошо здесь, с тобой, – прошептал Франк. – Надеюсь, мы скоро сможем отправиться в такое же милое местечко, но без дела об убийстве на руках. У тебя к тому времени вырастет хорошенький кругленький животик, и мы сможем загадывать на будущее... – Люси молчала. – Все семейные люди загадывают на будущее...

В голосе Франка звучала нежность, но Люси ухитрилась расслышать упрек:

– А я, значит, думаю только о прошлом, ты это имеешь в виду?

– Я ничего похожего не говорил.

– Не говорил – подразумевал. Слушай, Франк, дал бы ты мне еще немного времени, а?

– Я могу дать тебе сколько угодно времени, но неужели ты на самом деле считаешь, что маленький все изменит – и ты перестанешь о них думать?

Она опять промолчала. Неужели ей нечего сказать, нечего ответить? Франк осмелился ступить на опасную почву:

– Ты же знаешь, все может быть ровно наоборот! И при этом не сомневаешься в том, что сможешь любить нашего малыша ради него самого?

– Да. Да, я совершенно в этом уверена! С той минуты, как я ее увижу, все мои мысли будут только о будущем. И обо всем прекрасном, что мы станем делать все вместе: ты, она и я. Я так хочу, чтобы мы были счастливы...

Теперь промолчал Франк. Они тихонько, легкими прикосновениями ласкали друг друга. Так могли бы и заснуть, но Шарко не удержался и задал еще один вопрос:

– Она? А если родится мальчик? – И тут же стиснул зубы, придя в ужас от собственной глупости.

Люси скинула с себя одеяло, встала, бросила ему:

– А пошел бы ты куда подальше, Шарко! – и заперлась в

ванной.

Комиссар слышал, как она там плакала.

Медицинский центр в Шамбери, комплекс из двадцати или около того зданий, оказался похож на погруженную в зелень огромную гряду скал. На нескольких гектарах земли предусмотрели все: от родильного дома до гериатрического отделения, – и сюда приезжали лечиться нуждавшиеся в помощи врачей жители всего региона Рона—Альпы. Пейзаж был живописный, горы с заснеженными вершинами окружили «Солнечные склоны» хороводом величественных жриц.

Полицейские миновали проходную (проезд на стоянку контролировался, чтобы туда не могли попасть случайные люди, особенно в туристский сезон), припарковались рядом со службой неотложной помощи. Комплекс напоминал еще и огромный лабиринт. Шарко, который был за рулем на последнем, самом трудном и скользком участке дороги от отеля до медицинского центра, выключил двигатель, погладил кончиками пальцев свой парадный темно-серый галстук.

– Делаем все не спеша и по порядку, – сказал он Люси. – Ты отправишься в кардиологию – разузнавать об операциях на открытом сердце в условиях гипотермии, а я начну с неотложки: думаю, пациентов с переломами доставляют именно туда. Проверю, действительно ли все жертвы из озер прошли через это отделение, и попытаюсь раздобыть список тогдашних сотрудников. Может, кто и всплывет... Да! Мобильники

выключать не будем.

Люси достала синюю папку с протоколами вскрытий, они с Шарко вышли из машины и подняли воротники. Под ногами скрипели крупные кристаллы соли, мороз пощипывал лица; судя по цвету неба, вот-вот должен был снова пойти снег.

– И еще. Не сообщай всем подряд, что ты из полиции, – предупредил Шарко. – Наш убийца может быть тут кем угодно. Если он еще работает в этих стенах и если это он прикончил Кристофа Гамблена, парень должен быть на пределе.

Она кивнула, соглашаясь. Плотная упакованная в куртку Люси выглядела весьма аппетитно; Шарко, не удержавшись, притянул ее к себе и хотел поцеловать, но она увернулась. Оставшись один, комиссар со вздохом осмотрелся.

– Что за идиотизм! – прошептал он достаточно громко для того, чтобы Люси могла это расслышать.

Отделением сердечно-сосудистой хирургии, насчитывавшим три десятка сотрудников, руководил профессор Раванель. Люси вошла в просторный кабинет, в углу которого стояли клюшки для гольфа и лежали мячи, протянула доктору руку и коротко представилась.

Хирург, оправившись от удивления при слове «полиция», вежливо пригласил нежданную гостью сесть. Люси, которой пришлось целый час дожидаться приема в холле, где, правда, удалось выпить пару стаканчиков кофе из автомата, не ста-

ла углубляться в подробности расследования и сразу спросила, знакомо ли господину Раванелю имя Кристофа Гамблена. Он ответил, что нет. А о «воскресших утопленницах» из озер Амбрен и Волон в 2003 и в 2004 годах он знает?

– В общем, тоже нет – так... слышал мельком. Я часто уезжаю в Швейцарию, провожу там не меньше половины своего рабочего времени и, насколько помню, тогда как раз оперировал по ту сторону границы.

Доктор говорил громко, но спокойно, немного напоминая этим Шарко. Люси положила синюю папку на колени, на нее – сотовый, куда как раз пришла эсэмэска от ее половины. Краешком глаза прочитала: Есть связь! Все четыре жертвы были сюда госпитализированы. Рою дальше. Если ты все еще дуешься, что ж тут поделаешь.

Отлично, отлично. Можно спрашивать дальше.

– Расскажите, пожалуйста, о вашей специализации, холодной кардиоopleгии – так ведь это называется?

– Так. Можно назвать и иначе: лечебной гипотермией, лечебным охлаждением. В нормальных условиях оперировать на открытом сердце было бы весьма затруднительно: мешали бы сокращения предсердий и желудочков, дыхательные движения. Как избежать всего этого? Сильно замедлив работу сердца, а еще лучше – совсем его остановив. Но – и это вам должно быть известно – остановка сердца несовместима с жизнью, поскольку к органам перестает поступать кровь и начинается гипоксия, кислородное голодание... Тем не ме-

нее выход был найден.

Хирург подвинул к Люси буклет с информацией о клинике и начал рассказывать, используя при необходимости яркие и четкие картинки из книжечки:

– Существуют две технологии, два метода, взаимно дополняющие друг друга. Первый подразумевает использование АИК, аппарата искусственного кровообращения, или, как его еще называют, – аппарата «сердце—легкие». Вот тут, на схеме, вы видите: вся забранная у пациента венозная кровь направляется сюда, в этот аппарат, здесь она охлаждается и проходит через искусственное легкое, оксигенатор, где насыщается кислородом и отдает углекислоту, превращаясь таким образом в кровь артериальную, а затем эта охлажденная артериальная кровь нагнетается насосом в аорту больного... Иными словами, мы имеем возможность отключить сердце и легкие больного, применяя одновременно искусственную гипотермию.

Люси внимательно вглядывалась в рисунки и фотографии. Тело пациента со вскрытой грудной клеткой. Большие машины, циферблаты, колбы, бутылочки, шланги, трубки... сначала они высасывают жизнь, потом выплевывают обратно... Ох, как же ей не хотелось когда-нибудь подвергнуться вот такому вот вмешательству в организм!

– А потом, стало быть, обогащенная калием и чрезвычайно холодная – около четырех градусов по Цельсию – жидкость поступает в коронарные сосуды, что приводит к немед-

ленной остановке сердца. И тогда уже нет никакой опасности в операции на сердечной мышце. Именно двум жидкостям – крови и раствору с высоким уровнем содержания ионов калия – и принадлежит главная роль во всем процессе. Именно с их помощью снижают как потребность организма в кислороде, так и возможные риски.

Говоря, Раванель аккуратно обрабатывал ногти пилочкой, и было видно, какие ловкие и проворные у него руки.

Люси закрыла буклет, положила его на стол, достала блокнот:

– Думаю, можно найти прямую связь между вашей хирургической техникой и этими людьми, которые вернулись к жизни после случайного переохлаждения.

– Правильно думаете. Ученые, создававшие методы лечебной гипотермии, видимо, и вдохновлялись взятыми из жизни феноменами. В сороковых годах прошлого века приходилось оперировать на бьющемся, работающем сердце, потому что никаких других возможностей не существовало. Операции эти были рискованными, часто оканчивались неудачей. Правда, в то время считалось, будто замерзающему организму требуется больше кислорода... И только после того, как стали известны случаи естественной гипотермии в результате падения или утопления в горах, исследователи задумались: а может быть, холод вовсе не убивает? Может быть, погружая организм в анабиоз, он, наоборот, дает ему возможность выжить?

Хирург обернулся к окну, за которым открывался поистине волшебный пейзаж. Люси с минутной завистью подумала: как не похоже на Париж...

– Примеров более чем достаточно, прежде всего связанных с растениями и животными. Видите вон там, на склонах, хвойные деревья? Они способны выжить при температурах на много десятков градусов ниже нуля, хотя лед проникает очень далеко в их глубинные клетки. Или, скажем, канадская лягушка – самое, наверное, удивительное животное с точки зрения гипотермии. Она добровольно направляется в холодные края, чтобы замедлить свой метаболизм. С наступлением зимы чуть меньше половины жидкости в ее теле замерзает, лягушка становится твердой, словно кусок льда, и, если уронить ее на землю, может разбиться на осколки! Но потом, когда потеплеет, она без особого вреда для себя оттаивает и возвращается к прежнему образу жизни... Сейчас ученые пытаются разгадать ее секреты.

Профессор говорил медленно и по-прежнему спокойно. Люси это нравилось: Раванель был из той породы собеседников, с какими она чувствовала себя особенно легко.

– И как – удается?

– Пока не слишком, но обязательно удастся. В любом случае мы уже знаем, что эта способность обмануть смерть с помощью холода, эта гибкость обмена веществ заложена в глубинах клеток человеческого организма. В мае тысяча девятьсот девяносто девятого года в горах нашли норвежскую

студентку-лыжницу, вся верхняя часть тела которой «вросла» в замерзший водопад. Девушку вытащили оттуда через семь часов после падения – с температурой тела тринадцать и девять десятых градуса, она не дышала, пульса не прощупывалось, но она была жива!.. Или другой случай: в октябре две тысячи шестого японец Мицуката Усикоти сорвался в горах же с крутого склона, поломал при падении кости таза и остался лежать без движения в безлюдной местности при температуре воздуха всего десять градусов. Нашли его спустя двадцать четыре дня после несчастного случая: пульса не обнаружили, измерили температуру тела – всего двадцать два градуса... Однако после двух месяцев лечения все функции восстановились – пациент выздоровел...

Раванель убрал пилочку для ногтей и поправил авторучку в кармане халата, вернув ее в строго вертикальное положение. Все его движения были точными, выверенными. Человек, привыкший говорить на публику, умеющий производить хорошее впечатление.

– Подобные случаи доказывают, что у нас сохранились некоторые эволюционировавшие вместе с организмом средства адаптации животных к водной среде. Если поместить человеческое тело в воду с температурой не выше семнадцати градусов по Цельсию, организм попытается приспособиться к новым условиям. В такой среде мгновенно замедляется сердечный ритм, иногда вплоть до полной остановки сердца, происходит перераспределение крови в организме –

увеличивается ее поступление к главным внутренним органам, легочные альвеолы заполняются плазмой крови. Чаще всего эти изменения приводят к смерти, но бывают и исключения, которые обнадеживают исследователей.

Люси быстро записала то, что казалось ей самым важным, и вернулась к делу:

– Вы упомянули об остановке сердца с помощью раствора калия. Этот раствор хорошо известен полиции, поскольку мы не раз сталкивались с его использованием в качестве орудия преступления...

Хирург ответил гостье ослепительной улыбкой:

– Орудие преступления, которого почти и не распознаешь, потому что, как только прекращаются жизненные функции, тело естественным путем от калия освобождается. Ум и фантазия ваших преступников поистине безграничны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.